
МАЛ ЗОЛОТНИК ДА ДОРОГ: ПРОИЗВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ

Тимур Зульфикаров
(г. Москва)

Тимур Касымович окончил Литературный институт в 1961 году. Автор 20 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров. Широкую известность приобрели его романы о Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амуре Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта — «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-93». Лауреат литературной премии «Ясная Поляна» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» в 2004 году за книгу «Золотые притчи Ходжи Насреддина». Премии «Лучшая книга года» в 2005 году за роман «Коралловая Эфа». Премии Антона Дельвига (2008), премии «Хартли-Мерилл» (Голливуд) за лучший сценарий (1991).

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей. В том числе: «Человек уходит за птицами» (реж. А. Хамраев, 1974) — Международный кинофестиваль в г. Дели. Приз «Серебряный Павлин» за сценарий к фильму «Черная Курица, или Подземные жители» (реж. В. Гресь, 1980). Главный приз Московского Международного кинофестиваля; «Миражи любви» (реж. Т. Океев, 1986) — приз «Золотая Сабля» — Международный кинофестиваль в г. Дамаске.

Регулярно печатается в газете «Завтра» и в журнале «Приокские зори».

Дорогие Братья и Сестры!

В нашу эпоху Интернета, ТВ, СМИ многие утратили любовь к живым людям...
Оскудели душой...

Много стало в мире спящих и равнодушных...
Многие говорят и мыслят: моя хата с краю...

Но нынче на краю стоит весь мир, начиненный ядерным оружием, как рыба, обреченно идущая на нерест, горячей жгучей икройю...

Весь мир — это Хата с Краю...
Братья и сестры мои!

Иль не чувствуете близкий Дым Всемирного Пожара?..
Иль не видите тех, кто бродит по миру с горящими угольями?..
Они не глядят в Интернет и ТВ — они наслаждаются живой властью над спящими у миллиардов экранов народами...
Пастухи не ходят на бойню — на бойню ходят бараны...

Об этом кричали Пророки
Об этом шептал, записывал Апокалипсис на острове Патмос Иоанн Богослов...

Конечно, мысли муравья и чуткие ноздри норového суслика нельзя сравнить с Глаголами Пророков...

Но и муравьи, и суслики, чуя грядущий близкий огонь или землетрясение — заранее исходят на землю из смертельных нор и муравейников...

Значит, и среди них есть прозорливцы... норовые пророки...

А что же мы, люди, погруженные в Интернет?.. в ТВ?.. в СМИ?..

Иль Ядерная Война — это Сладкий Сон?.. Последняя Вспышка?.. Прощальный Салют Жизни?.. Голливудский последний Фильм-катастрофа, в котором примет участие все Спящее Человечество?..

О, Боже!..
Где моя хата с краю?..
Где? Где? Где?..

Нет ее...

И вот перед нами Откровения Ходжи Насредина...
Который сам себя называет «муравьем на ладони Аллаха»... и «сусликом Апокалипсиса»...

АПОКАЛИПСИС XXI ВЕКА

(Рис. Ю. Чистякова)

*...Ноги их быстры на пролитие крови; разрушение и пагуба на путях их;
они не знают пути мира; нет страха Божия перед глазами их...*

Апостол Павел

*...Скоро все человечество превратится в прах,
Потому что богачи забыли о бедняках...*

Ходжа Насреддин

*...О, Господь!..
Святые Многомудрые Отцы тихо говорят о Конце Света...*

А Пророки вопиют о Последних Временах... Об Апокалипсисе...

Можно шептать о Близком Всемирном Пожаре, а можно кричать...

Бог услышит...
Но нельзя молчать... Ибо «молчаньем предается Бог»...

...Великий бессмертный Странник, герой фольклора ста стран и множества народов, бродячий Цыган Тысячелетий, мудрец Ходжа Насреддин, который беседовал с царем Соломоном о мудрости...

С Буддой — о вечности...
С Иисусом Христом — о воскресении...
С Мухаммадом — об Аллахе...
С Чингисханом — о войне...

И который видел расцвет и гибель многих народов и Цивилизаций — приехал на своем пыльном седом осле Хунуке в XXI век...

В заброшенную псковскую деревню Синий Никола...
Ах, Никола Мирликийский со златом в узельце для нищих!
А нынче вся Русь от бесов воров — вся нищая...
Ах, где Ты нынче заблудился...

Но кто молится?..
Кто зовет Тебя?..
Кто верит в Тебя... вселенский батюшка Николай Чудотворец...

...А Ходжа поселился в избе у старухи Варвары, которая одна с козой Малькой доживала, домирала в деревне...

Мудрец стучался во многие дома русские...
Но Русь оскудела любовью иль устала от многих чужеземцев...
И никто не открыл Ему...

А старуха приютила Его и поила козьим молоком, а по вечерам они топили печь-притопок и беседовали о жизни...

И сдружились...
А осел Хунук и коза Малька обнюхали друг друга и тоже стали друзьями...

Осень первоначальная была...
Полная луна плыла в небе, обливая обильными жемчугами древнюю перламутровую златокупольную, златопадную Святую Русь...

Ходжа поведал старухе — под треск горящих березовых поленьев в печи — о своих тысячелетних странствиях...

О Царях и Пророках, с которыми беседовал о Власти и Мудрости..., о смерти и бессмертии...

И Варвара внимала Ему и сладко засыпала на печи, всхлипывающей... теплотворящей...

А мудрец шептал в полусне:
— Ах, водородные бомбы..., стратегические ракеты..., подводные атомные лодки..., спутники..., лазеры...
Ах, какие нечеловеческие слова... Слова сатаны — и они сгинут...
Ах, рукотворные шайтаны!.. Айххх!..

...Черная корова весь мир поборолась...
Ночь объяла мир...

...А мудрец шепчет...

...Я вижу, как в тяжком сне, детские, неразвитые, объятые, подточенные многими грехами, лица нынешних правителей...

Всех этих Бушей... Клинтонов... Ельциных... Горбачевых... Обаму... Камерона... Олланда... Меркель...

Этот Букет странных Ликов... словно охапка зимних заиндевевших веток... режет пальцы и душу...

Что-то животное... звериное... дряблосекущее сквозит в них...

Что-то нечеловеческое... что-то сатанинское... что-то последнее... апокалиптическое...

Словно они потеряли свои дьявольские рожки — и мечутся по миру в поисках потерянного...

О, Боже... кто послал их?... кто сделал их правителями мира?..

Иль действительно, князья мира сего — шайтаны?..

...Мудрец шепчет...

...Но я никогда не соглашусь с этим...

Особенно, когда вижу веселых детишек, бегущих в цветущих медовых курчавых садах...

Или влюбленных отроков и дев, опьяненно босоного бредущих в полевых васильках, ромашках, фацелиях, венериных башмачках...

Ах!..

Творец не мог отдать этот Блаженный Изумрудный Мир в руки сатаны!..

Нет!.. Нет!.. Нет!..

...Мудрец шепчет...

...Но вот я вижу, что Великое Оружие Смерти, сотворенное нынешними учеными бесами, гораздо мудрее правителей, в чьих руках Оно нынче находится...

Это Спички в руках у Ребенка...

Ребенок может спалить дом...

А эти — разрушить, погубить весь Мир, где мы так сладко дышим...

О, братья и сестры, сладко нежно пухлогубо спящие мои!..

Ойххх!..

...И вот народы спящие не чувствуют, что они, как никогда, близки к Последней Войне...

Когда заговорят, задымятся, оживут эти тайные Бомбы... Ракеты... Лазеры... Спутники...

Великие Орудия Смерти жаждут взорваться — это Их Жизнь!.. Их Мечта!.. Их Упованья!.. Их жизнь — Война!..

Оружие может само заговорить!..

Ружье стреляет само в неопытного охотника!..

О, что было бы, если бы у Чингисхана были современные танки!.. самолеты!.. пушки!..

Что бы сотворил с миром Повелитель Мира? А?..
Это был Великий Воин-Мудрец...
И — слава Аллаху — Его Оружие отставало от Его Идей...
Копья... стрелы... ножи — были Его Оружием...
Сколько могло оно убить?..

А президенту Кеннеди доложили, что в первый день атомной войны погибнет
шестьсот миллионов человек...
Президент содрогнулся... ужаснулся... и за это был убит...

...Мудрец шепчет...
...А нынешние Хозяева мира — безнадежно отстают от Сатанинского Бездонного
Всемирного Оружия Смерти, которое пляшет, томится у Них в руках...
Которое им дали ученые бесы в болезненной похоти познания материи...
В посягательстве на Тайны Творца... В восстании на Бога...

О, Боже!..

Грех и блуд обуяли целые народы — и потому явилось Оружие, которое может
уничтожить целые народы за их грехи и блуд...

И праведники не помогут, не остановят необъятное Оружие это...
И бессонные монахи не вымолят прощения у Бога...
Да!..

А что влечет, раздирает, распаляет нынешних правителей мира?..
Иль темная жажда Смерти влечет Их, как в горах усталого путника влекут безд-
ны?..

О, Боже...

...Мудрец шепчет...
...Иль алчба Власти и зависть движут ими?..
Чего они мечутся по миру и сеют смерть...
И слова их, как костры в сухих камышах...

О!.. так сладко повелевать Спящим Покорным Человечеством!
О! так сладко сгореть вместе со всеми, а не мучиться своей одинокой смер-
тью?.. А?..
Особенно, когда ты стар и полон болезней...
И завидуешь молодым!.. здоровым!.. улыбчивым!.. беспредельным!..

И вот ты алчешь затащить их в свою могилу...
Так печально лежать в одинокой могиле...
А так сладко — во всеобщей... братской...
А?..

И вот мертвецы-правители путешествуют по миру и хотят всех сделать мертвыми...
Вот они... нынешние властители мира!..

А что народы?..

...Мудрец шепчет...

...О, народы, сладко чмокающие, спящие, как стада, в ночных кошарах...

Бездонный слепой сон ваш похож на смерть...

Иль не чувствуете волков?..

Ой...

А вам не снятся Хиросима и Нагасаки?..

А вы не бежите с подушками, горячими от сладкой слюны вашего сна, по улицам, горящим от Бомб «Н»?..

И ваши подушки вмиг становятся горячим, сыпучим пеплом...

И вы вмиг становитесь бегучим прахом... хотя мозг ваш еще жив... и уповает...

А властители, которые должны быть пастухами — сами спят...

И во сне становятся прахом...

Только Бомбы «Н» туго не спят... ждут своего часа...

Как бутон алчет стать розой...

Как змеиное яйцо — змеей...

В мире почти не осталось истинных властителей-пастухов — и вот приходят волки пасти стада...

...Мудрец шепчет...

...О, спящие народы...

О, спящие пастухи...

О, неспящие волки и гиены...

О, неспящие алчущие Бомбы... Ракеты... Лазеры... Подводные лодки...

Творенья сатаны...

О, Боже!..

Ах сытые, слепые от лжи, блуда, корыстолюбия, словоблудия, славолюбия правители...

А вам не снятся Чудовищные Кипящие Грибы над Хиросимой и Нагасаки?..

А вы давно собирали эти Грибы в горящих лесах, горах и городах?..

У вас есть для них Лукошко?..

Иль ваше Лукошко — это все спящее Человечество?..

А вы все встречаетесь! обнимаетесь! обнюхиваете друг друга! блаженствуете в роскошных гостиницах — без галстуков... без совести... без чести... без любви...

Вы мертвецы...

И вы играете водородными бомбами, как цирковые клоуны шариками...

И бесконечно открываете рты, объятые похотью многоговорения...

И строите тайные бомбоубежища для себя и чад своих — и, значит, вы верите в Последнюю Войну и хотите спастись под землей...

А на земле будет ад для других...

А вы будете сладостно взирать из бомбоубежищ по ТВ, как народы-гладиаторы

сойдутся в последней Огненной Битве, где будет гореть даже кровь... где не будет даже крови...

На земле останутся дышать только пастухи в высоких горах и рыбаки в глубоких морях...

Йыххх!..

Апостол говорит: «Егда все рекут мир и благоденствие — тогда Господь внезапно напускает на них всегубительство...»

Айххх!..

А Бомбы в Ракетах!..

А Ракеты в шахтах!..

А Спутники и Лазеры в небесах ждут, алчут Своего Часа!..

Столько гения! столько трудов! упований! надежд! бессониц! озарений вложено в них!..

Сам многоискусный сатана творил их!..

Сам сатана сидел в тех самолетах над Хиросимой и Нагасаки!..

И вот он алчет сесть в новые самолеты и ракеты...

И Это Судный Час?

И кто приближает Его?..

Продолжение следует

Вячеслав Михайлов
(г. Тула)

СКАЗ О НОВОМ ПРАВИТЕЛЕ И СТАРОМ СОВЕТНИКЕ

Родился в городе Термезе. Окончил Московский гидромелиоративный институт. Кандидат экономических наук. Ph. D in Economics. Опубликовано более сорока научных работ. Печатался в «Литературной газете», тульском литературном сборнике «Иван-озеро», литературно-художественном и публицистическом журнале «Приокские зори». Проживает в городе Туле.

Правитель страны тяжело занемог. Ни его лучшим врачевателям, ни иностранным докторам не удавалось остановить скоротечную сердечную болезнь. Понимая, что смерть рядом, призвал он к себе наследника.

— Ты видишь, сынок, час мой уж близок,— обратился к нему правитель слабым голосом.— Не грусти слишком и главное долго,— ласково улыбнулся он, заметив слезы в несчастных глазах сына.— Это будет во вред той многотрудной службе, что предстоит тебе нести... Я знаю, печаль твоя искренна. Но знаю также, что велико в тебе желание править самому... Ты готов — и по годам зрелым, и по знаниям обширным, к коим стремился всегда, и по опыту участия в делах государственных. Но я, грешный, не успел предостеречь тебя от роковых ошибок. И не успею — сил нет и ясности нужной в голове... Ты, родной, поговори с моим старым и любимым советником. Прими его наставления, словно мои. А теперь иди, я устал.

Вскоре после этой встречи правитель умер и был похоронен с величайшими почестями. Народ горевал, за исключением редких недовольных. При пожившем страна переживала разные времена. Но в целом достаток граждан все же немного повысился, число их возросло, и жить они стали дольше. Соседи страну уважали и даже побиивались, что помогало ей сохранять себя.

Новый правитель, исполняя отцовскую волю, рассказал о ней тому самому советнику и приготовился выслушать его. Тот прежде задал вопрос, снабдив его небольшой преамбулой. «Обычно,— начал советник,— новые правители, приняв полноту власти, пытаются произвести изменения в жизненном укладе страны. Это естественно, ибо всегда есть, что улучшить, а старые правители на исходе своего служения не склонны что-либо менять. Да и всякому новому правителю попросту хочется оставить свой след в истории, превзойти успехами предшественника. Скажите, Повелитель, что и как скоро Вы намерены переменить в стране? Будьте уверены — слова Ваши останутся тайной».

— Я замыслил немало коренных реформ и не собираюсь медлить с ними — уверенно заявил правитель.— Хочу изменить организацию власти в столице и провинциях, порядок сбора налогов, правила торговли, правосудие, состав армии, расходы на ее содержание, работу лечебных, образовательных домов и много еще чего. Наш народ достоин лучшей жизни.

— А кого Вы хотите взять себе в помощники, на кого опереться в делах? — спросил опять осторожно советник.

— На единомышленников, тех, кто верит в мои замыслы, на исполнительных профессионалов. Мне не нужны сомневающиеся. Да и крупные, чересчур самостоятельные люди — ни к чему. У них высокие амбиции. От них жди измены.

Советник не выдал своего разочарования ответами, а попросил лишь дозволения рассказать об одном наблюдении из собственной жизни. Правитель согласно кивнул, и советник стал говорить. «Много лет назад,— вспоминал он,— довелось мне выполнять посольскую миссию в одной далекой стране. Рек и озер в ней было так много, что люди селились на них вблизи берегов, размещая свои легкие дома на деревянных сваях. Один дом опирался на десять-пятнадцать свай. Со временем они прогнивали, и хозяева домов заменяли их. Делали это поочередно, одну сваю за другой, постоянно контролируя устойчивость жилища. Процесс замены выглядел простым и надежным. А представьте, Повелитель, что произошло бы, когда хозяева взялись бы менять сразу половину свай? Конечно, дом зашатался бы и развалился или его сорвало бы с опор и унесло течением... Вы, Повелитель, простите старика за дерзость, хотите менять одновременно более половины свай. Не поступайте так, даже если все хорошо продумали... Что касается помощников и соратников, то мнение мое опять Вам не в поддержку. Но делать нечего, раз поклялся отцу Вашему сказать, что думаю, не юлить. Я согласен с теми, кто считает так: нет в окружении правителя крупных, самостоятельных личностей — это метка слабого правителя, а есть они — метка сильного».

Правитель дослушивал советника с потемневшим лицом, еле сдерживая гнев. Скупно попрощался и велел тому уйти. С тех пор жил советник в отдалении, не нуждаясь ни в чем. Но продолжал пристально следить за событиями в стране.

Прошло около десяти лет. За это время страна расцвела: развивались ремесла, радовала урожаями нива, люди мирно трудились и богатели. Бедность осталась уделом лишь неисправимых ленивцев. Правитель вспомнил о старом советнике и решил навестить его, если тот еще жив. Советник оказался долгожителем. Одряхлевший, но с юношеским блеском в глазах он торжественно встретил правителя.

— Добро пожаловать в мой дом, Повелитель,— склонился старец в поклоне, как мог.— Нет границ счастью моему видеть Вас.

— Вот, приехал отблагодарить тебя. Не забыл я твоих слов, не забыл.

— Я это видел все последние годы, Повелитель. Какая еще мне нужна награда!

Геннадий Маркин
(г. Щекино)

ОТЦОВСКОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Член Союза писателей России, лауреат литературной премии имени Н. С. Лескова «Левша» (2009 г.).

Крепко мело той зимой на солоماسовских вольницах. В иные дни так заметеливало, что не только дороги, овраги и балки, но и сами избы тонули в яростной и необузданной снежине. В один из таких буранных дней и занемог крестьянин деревни Соломасово Крапивенского уезда Тульской губернии Федор Блохин. Да так занемог, что с печи слезть не смог. Подозвал он к себе своих сыновей Романа и Петра и попросил, чтобы они его с лежанки сняли и на кровать положили, а кровать к Красному углу поставить приказал, велел лампадку затеплить, а после того, как у изголовья замерцал синим огоньком маленький огарочек, произнес:

— Нынче ночью меня во сне жена моя, матушка ваша упокойница, к себе кликала. Видать, скоро ко Господу отойду,— простонал Федор и зашелся в кашле. Затем отдышавшись с трудом, подозвал к себе сыновей и, тяжело приподняв голову с подушки, заговорил тихим голосом:

— Завещаю вам любить и оберегать друг дружку. Держитесь всегда вместе, никогда не ругайтесь, тогда вам никакой враг не страшен будет. А если начнете браниться, то все прахом пойдет, вся жизнь, как под овраг, скатится, и люди над вами потешаться будут. Дом рухнет, если братья друг с дружкой вражду учинят, не допустите этого, завещаю,— Федор вновь зашелся кашлем, да так, что прорыду не было, хватал, задыхаясь, ртом воздух и дышал с гудом.

— Утром за лекарем ехать надоть в Ломинцево, в больницу,— проговорил старший сын Роман.

— Не нужен мне никакой лекарь, за батюшкой, за отцом Василием съезди,— перебил его Федор.— Хочу покаяться, да причаститься перед смертью,— приказал он и, задышав хрипло, откинулся на подушку.

Утром, как только забрезжил рассвет, Роман запряг лошадь в сани и поехал в село Мясоедово за священником. Приехали они только после обедни. Войдя в избу, отец Василий поздоровался со всеми, затем неспешно снял с себя скуфейку и долго отирал от снега светлым носовым платком усы и большую седую бороду, жалуясь при этом на непрекращающуюся метель, небольшое количество прихожан в церкви и мучавшую его каждую ночь бессонницу. Наконец вытерев насухо усы и бороду, прокашлялся и, подойдя к Федору, наклонился к его изголовью и что-то стал тихо ему говорить. Затем кивнул головой, пригладил руками седые волосы, заплетенные в небольшую косичку, и запел басом слова молитвы. В этот день Федор исповедовался, причастился, и даже пособоровал его отец Василий. Весь оставшийся день Федор провел, лежа на кровати в тяжелых приступах душившего его кашля. К поданной еде

не притронулся, а ночью, под непрекращающееся за окном метельное завывание, отошел в мир иной.

Недолго берегли отцовское завещание братья Роман и Петр. Уже с вешними водами произошла между ними первая серьезная ссора. Что послужило причиной к ссоре они на тот момент уже и сами не помнили. Жены братьев как-то разругались друг с дружкой, не поделили что-то. И мужья, вместо того, чтобы пресечь бабьи споры и ссоры, поддались их капризам. Так и ходили братья, друг друга глазами пожирая, а на Пасху, в аккурат после обедней службы, сошлись они в кулачный бой, злобно сверкая глазами, схватили друг друга за грудки. Насилу растащили их в разные стороны жены и дети. Все лето бранной жизнью прожили братья, а осенью решились они доставшееся им по наследству отцовское хозяйство между собой поделить.

Описанная мной реконструкция событий — это, конечно, художественный вымысел. Возможно, совсем по иному сценарию развивались события в семье Соломасовских крестьян Блохиных, способствующие ссоре двух братьев. Мы теперь можем только предполагать и догадываться. Одно в этой истории остается правдивым — это находящиеся в Государственном архиве Тульской области документы, свидетельствующие о непростых отношениях между братьями Романом и Петром Блохиными. Первый документ — приговор Соломасовского сельского схода, и имеет он следующее содержание, цитирую: «Сего 1894 года сентября 30 дня мы нижеподписавшиеся крестьяне-собственники Крапивенского уезда, Ломинцевской волости, деревни Соломасовой, сего числа собраны на сельский сход нашим сельским старостою Потапом Алексеевым Буяновым в числе 33 человек из числа 37 домохозяев имеющих право голоса на сельском сходе, на котором выслушали заявление односельных наших крестьян Романа Федорова и Петра Федорова Блохиных о желании их разделиться на два дома и хозяйства, так как старший сын семьи Блохиных Роман Федоров Блохин на испрашиваемый развод изъявил свое полное согласие, и мы усмотрели: 1— что к разделу семейства Блохиных имеется основательный повод, а именно несогласие и ссоры между членами семейства. 2 — что вновь образовавшиеся семейства вполне способны к самостоятельному ведению хозяйства. 3 — что принадлежащий им усадебный участок для устранения на нем двух участков с соблюдением строительного устава достаточен. 4 — что по разделу семейства Блохиных исправное отбывание ими податей и вообще всех повинностей будет обозначено. А потому и на основании 47—54 статьи общего положения приговорами разрешить крестьянам Блохиным произвести между собою семейный раздел на два самостоятельных хозяйства. При чем: А — четыре душевых надела земли, находящегося в пользовании семейства Блохиных они распределят между ними таким образом: Роману Федорову Блохину два надела и Петру Федорову Блохину два надела. Б — соответственно касательству земли раскладывается между вновь образующимися хозяйствами казенная, земская и мирская повинности. А также и другие казенные взыскания и числящиеся на них постройки: Роману Федорову Блохину — кирпичная изба, половина двора, половина сений, старый деревянный амбар и погреб. Из скота: лошадь, корова и шесть овец. Сбруи, телега с колесами и упряжью, соха и борона. Петру Федорову Блохину: деревянная изба, половина сений, половина двора и сарая. Из скота: лошадь, двухлетний бык и шесть овец. Сбруи, телега с колесами и упряжью, соха и борона. Остальное имущество и утвари разделить между ними пополам, усадьбу тоже разделить пополам. В том и подписались все домохозяева. Ломинцевский волостной староста Марушкин». Вот казалось бы и все. Сельский сход своим приговором должен был поставить точку в ссоре двух братьев. Как говорится: «каждый как хотел — так и получил свой удел». Да, должен был бы поставить точку, но, к сожалению, не поставил. Братья не успокоились, а еще с большим рвением возобновили вражду.

Прошло пять лет. Много воды утекло после той заснеженной зимы 1894 года, когда умирающий отец оставил своим сыновьям завещание о мире и согласии. Много изменилось с той поры в самой деревне Соломасово. Образовались новые семьи, родились дети, отжившие свой век старики, упокоились. Зимы сменялись веснами, весны утекали тальми водами в овраги и балки, летние зеленые листочки одевались в золотые наряды, которые вновь яростно срывала врывающаяся в крестьянскую жизнь зима. Много изменилось, но не изменилось отношение братьев друг к другу, они так и продолжали не любить друг друга, и ссоры между ними не стихли. В книге жалоб Ломинцевского волостного правления от 19 августа 1899 года за № 183 было зарегистрировано прошение, поданное Петром Блохиным, в котором он просил взыскать с брата Романа 10 рублей за обивку яблони и сбор яблок с его участка. «В нынешнее лето брат мой Роман самовольно собрал яблоки с моего участка, чем причинил убытков на 10 рублей», — так написал в своем прошении Петр, на что Роман пояснил следующее: «Я действительно обил корень Духовой яблони, находящейся на усадьбе Петра, потому, что считаю эту яблоню местною, то есть, мне от этой яблони, следует половина. В прошлом году делили пополам». Не сумев решить дело мирным путем, Волостное правление направило дело в Ломинцевский волостной суд, который в составе председателя суда А. Стекунова, членов суда Г. Лазуткина и И. Балалова, при секретаре Судакове 12 сентября 1899 года, вынес решение в пользу истца, обязав Романа выплатить брату Петру деньги в сумме 10 рублей. Однако Роман и не собирався выполнять решение Ломинцевского волостного суда. Вместо этого, он 21 сентября 1899 года подал апелляционную жалобу в Крапивенский уездный съезд, в которой указал следующее, цитирую: «имею честь представить прошение на решение Ломинцевского волостного суда, которое нахожу неправильным, так как суд не установил количество и стоимость обитых мною яблок». Крапивенский уездный съезд 4 декабря 1899 года в 10 часов утра вынес следующее решение, цитирую заключительную часть: «Уездный съезд, рассматривая это дело, находит, что в деле не указан сорт обитых Романом Блохиным яблок, также не указано их количество и официальная стоимость с них плодов, а потому Уездный съезд постановил: решение Ломинцевского волостного суда отменить, а дело это направить на рассмотрение в Ясенковский волостной суд. Председательствующий, член уездного съезда П. С. Савченко, земские начальники: Н. И. Кологривов, И. М. Долинино-Иванский, почетные мировые судьи: (фамилии неразборчивы — авт.), товарищ прокурора (фамилия также неразборчива — авт.), при секретаре П. А. Камаеве».

Вот такое решение вынес Крапивенский уездный съезд. Решение по этому делу Ясенковского волостного суда мне в архиве, к сожалению, найти не удалось. Будем надеяться, что решение было вынесено правильное. А может быть, суду даже удалось бы и примирить братьев Блохиных, кто знает? Ведь не зря же Крапивенский уездный съезд не стал возвращать это дело в Ломинцевский волостной суд, а направил его в Ясенковский, словно надеясь на более объективное его рассмотрение, выразив тем самым недоверие к суду Ломинцевскому. Впрочем, это уже совершенно другая история.

Александр Сорокин
(г. Тула)

ЭТЮД О НЕРАЗДЕЛЕННОЙ ЛЮБВИ

Страницы семейной хроники

Автор является доцентом Тульского медицинского института, врачом-гомеопатом, кандидатом медицинских наук, членом президиума Российского гомеопатического общества. Приводимая фотография иллюстрирует его повествование о том, как наше прошлое прорастает в наше будущее.

Вечер удался. Гости шумно расходились, старомодно целовали руку хозяйке, долго церемонно прощались с хозяином. А, когда вышли на улицу, кончиком змеиного хвоста скользнуло в голове, — «А может быть не стоило?» И снова вспомнились давние дни — лозунг «Власть — на местах», солдаты, стреляющие по уличным фонарям, растерянное лицо полицейского, которого пришлось переодевать в гражданское и укрывать у себя дома.

Так что же, нужно было в этот злополучный вечер сидеть тихо и ни в чем не участвовать? Во всем ощущалось что-то несерьезное. Но в конце-то концов, не в армии же мы, где поведение четко определяется уставом. И не было тогда в мыслях, да даже и в лексиконе, такого уголовно-лагерного слова — стукач.

Вызов в ГПУ последовал незамедлительно. «Как Вы могли? Петь Боже царя храни, пить шампанское из дамской туфли? И это в наше время, на десятом году революции?». Ночь, проведенная в казенном доме, привела к единственному решению. Они не отстанут. Надо все бросать, обрывать все связи и срочно уезжать из Брянска. Куда-нибудь, поближе к Москве.

Много позже ситуация повторилась. Стоило на минуту отвлечься на гремящую крышку бидона на заднем сиденье, как машина на крутом повороте задела столб ограждения на противоположной стороне дороги. И мгновенно решать — или машине прыгать с крутого склона или пытаться все выправить и, возможно, покатиться, переворачиваясь на склоне. И опять без сомнений выбрать прыжок и избавиться от последствий.

Город встретил переселенцев басом кондуктора: «Тула, берегите карманы, Тула». Ну и встреча! Потом предстали во всей красе яростные бессмысленные бои стенка на стенку на льду Упы зареченских с наседавшими из центра. Кровь на снегу. Присказка — «хорош малый, да туляк». И вся та темная животная сила, которая отразилась в слове «казюк», рабочий казенных заводов. И как, не то, что полюбить, но принять все это?

Однажды, нагруженные охотничьими трофеями, они возвращались через Орел. «Ну, чудеса, — говорил товарищ по охоте, — я всех толкаю, а они передо мной извиняются». В Туле такого и представить было невозможно.

Как же не хватало бескрайних брянских сосновых и еловых лесов и той чистоты отношений, которая, кажется, зарождается там, разлита в воздухе.

Но поиск, инициатива, помноженные на талант, опыт, полученный в эвакуогоспиталях Москвы и Владимира, закономерно привели к заведованию хирургическим отделением областной больницы с 1941 года, а с 1944 года — к должности областного хирурга. Практически заново после войны пришлось создавать хирургическую службу области. А еще он — один из основателей Тульской станции переливания крови.

Мастерство и артистизм, с которыми он проводил операции, распространились далеко за пределы области, и посмотреть его резекции желудка приезжали хирурги из Москвы и других городов. Как-то на операции присутствовал профессор из Курска. Резекция желудка под местной анестезией была выполнена за 45 минут. Онемевший от изумления и восхищения профессор только и выдавил из себя: «Да-а».

Его диссертация по кровоснабжению желудка лежала в Москве на столе у легендарного хирурга С. С. Юдина. Он был из этой породы — талантливых и независимых, не смиряющихся ни с чем и ни перед кем не заискивающих. И неведомо откуда знал нелегкие судьбы таких людей. Беря в руки очерки по хирургии С. С. Юдина знал, что написаны они были в заключении на бумаге, которая выдавалась заключенному совсем для других целей. Знал о многолетней ссыльной эпопее другого великого хирурга — В. Ф. Войно-Ясенецкого.

Судьба пощадила нашего героя. Тот, кто писал доносы, по счастью, был его учеником в хирургии. А, кроме того, начальство прекрасно знало, кто нужен для работы, а кто — для других дел. Все на своем месте. И С. С. Юдина освободили, и В. Ф. Войно-Ясенецкий после всех тюрем и ссылок удостоился Сталинской премии.

Но сможем ли мы понять тот ужас жены и дочери, когда однажды ночью за ним приехали на обкомовской машине. Ни живы, ни мертвы были они до утра, пока не узнали, что ничего особенного не произошло, просто заболел кто-то из обкомовских начальников.

Он не мог сдерживаться, когда узнавал, что в школе у дочери историю преподает постовой милиционер, что старичка географа по доносу учениц арестовали за то, что он сказал «Наша страна является одной из самых демократических в мире». Почему не сказал, что самая? После праздника пасхи у детей в школе осматривали руки — нет ли следов краски от пасхальных яиц, приходилось долго отмывать руки дочери. И он взрывался. Тогда его жена тоже повышала голос: «Петя, прекрати!», и указывала на стену квартиры, за которой жили люди иного склада. Ничто не указывало на то, что когда-нибудь, что-нибудь изменится. Но каким-то чутьем он ощущал, что об этих временах еще расскажут и напишут, что даже татарское иго в конечном итоге сошло на нет.

А ведь еще надо было изучать бредовые идеи старой большевички соратницы Ленина О. Б. Лепешинской о происхождении живого вещества из неживой материи. Ну, это можно было оставить без комментариев. Но невольно весь напряжешься, когда хочешь — не хочешь, а нужно выручать хирурга из Лаптева по фамилии Синакевич, на которого навешивают всякую ерунду в порыве борьбы с космополитизмом. Воистину сказал же кто-то: «Жить в этой стране невозможно, спастись можно только здесь».

И в мартовские дни всеобщего траура одно только слово нашлось у него для покойного. Он пришел домой, положил рабочую папку и сказал: «Сдох». На суетливого Хрущева с его бесконечными преобразованиями он смотрел уже с усмешкой. Особенно забавляли его слова: «Мы — государственные деятели». И готов был ответ: «А вы, друзья, как ни садитесь...». Сам-то он был профессионалом своего дела. «Вы и представить не можете, как он кричал на хирурга, который на операции, не найдя язвы, все же сделал резекцию желудка», — рассказывала операционная сестра. Уже в наши дни на торжествах в честь открытия мемориальной доски на доме, где он жил,

тот самый хирург, совершивший злополучную операцию, пытаясь сделать бывшее небывшим (сюжет как будто прямо заимствованный из «Мастера и Маргариты»), говорил: «Петр Никифорович очень уважал людей, никогда не повышал голос на хирургов». И по большому счету в этом тоже была доля правды. Даже после смерти своей жизнью он все учил людей, давал ориентиры, устанавливал планку. Он умел так служить людям, что это не воспринималось ни как подвиг и образец бескорыстия, ни как работа по принципу — а сколько мне за это заплатят? При нем нельзя было представить ни грубости со стороны медсестер, ни фамильярности со стороны врачей. Каждому, кто с ним общался, были привиты высокие принципы.

Запомнились слова из письма одного из многих благодарных пациентов, которого он прооперировал: «Спасибо, доктор, я теперь даже сто грамм могу выпить». До Марса, кажется, ближе, чем до информационной медицины в разоренной после войны стране. И можно было слышать в то время его иронические высказывания о том, как Господь самый мелкий атом вложил в мозги гомеопатам.

А ему было все время кого-то пронзительно жаль. Видел ли он страдания пенсионера-цветовода, к которому лезли за цветами через забор здоровенные лбы, превращая в ничто все его труды. А милиция насмешливо говорила: «Сажай, дед, репу и капусту». А когда старичок, измученный нашествием, протянул проволоку с пропущенным током, его тягали в суд. Государство радело за свою собственность, а гражданам нечего ей и обзаводиться.

Я держу в руках десяток статей о нем и даже книгу с названием «Подвиг хирурга». Нехитрое лекало, по которому бойкими журналистскими перьями выведены жизнеописания врачей, металлургов, педагогов, неважно кого. И вспоминаю, как грянула перестройка, как появились такие чуждые их стилистике кинофильмы как «Человек из мрамора», «Человек из железа». Еще бы им не возмутиться. Поломан шаблон, по которому тачали они свои нехитрые поделки, и оказались эти творцы не у дел.

На тихом кладбище в Кочаках — его могила. Кто-то через сорок лет после его смерти приносит на нее цветы. И это — не родственники, которые все наперечет. Я не знаю, кто это, но очень завидую такой его посмертной судьбе. В Туле много мемориальных досок. Но только одна из немногих на улице Тургеневской напоминает, что, кроме воинов и конструкторов оружия, отмечен еще и хирург Пушкарев Петр Никифорович.

Вроде бы, что можно сделать для умершего более сорока лет назад человека? А оказалось, что можно! Четыре его правнучки, рожденные в нелегкие девяностые годы, стали врачами, и не только по диплому, но и по душе. И у одной из них появится сын, и назовут его Петр. И его появление будет означать, что повествование о верном и вечном продолжается.

Маргарита Дзодзикова
(г. Владикавказ)

**ФАМИЛЬНОЕ СВЯТИЛИЩЕ ДЗОДЗИКОВЫХ
В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ**
(очерк)

История возникновения семейного Святилища Дзодзиковых уходит корнями к тем временам, когда в селении Даллагкау в Куртагинском ущелье были отстроены семейный двухэтажный дом (*ганах*) и другие дома поменьше, боевая оборонительная башня, склепы (*дзаппажтæ*), вспомогательные хозяйственные сооружения. Семейная башня Дзодзиковых и два склепа в селении Даллагкау входят в Перечень объектов культурного наследия федерального значения и датируется XIV—XVI вв. Имеются паспорта Памятников истории и культуры (3-5, № 1-65-2) и (3, 4 — 3-8(4), № 1-65-2). Именно к этому времени и относят старейшины фамилии время создания Святилища Дзодзиковых. Толчком к созданию Святилища был случай.

Семейная башня Дзодзиковых в селении Даллагкау, Куртагинское ущелье, Алагирский район, РСО—Алания. Видна сохранившаяся фасадная стена башни, слева остатки ганаха (семейного дома), за ним руинизированное святилище, справа — два склепа, на фото виден один, другой находится за ним.

В те стародавние времена угнать у кого-нибудь скот считалось за удачу, за честь. Сделать это было непросто, так как каждый тщательно охранял свою собственность — много было и трагических случаев, но если это удавалось, то в народе говорили между собой: «*Сæрæн лæг у æмæ самал кодта*» (он настоящий мужчина, смог добыть).

Братьев Дзодзиковых тогда было много, да и потомство у них было немалое. Жили своим трудом, были среди Дзодзиковых: кузнецы (*кодтой: цæвхæдтæ, фыдисæнтæ, канчыритæ æмæ æндæртæ*) и те, кто что-то отливали из свинца (они приносили с гор какие-то камни, помещали их над огнем, а утром в золе находили затвердевший металл (*жды* — свинец), который уже отдельно плавил и отливали из него то, что хотели), мастера резьбы по дереву, они сами делали: музыкальные инструменты (*хъысын фандыр, къæрцæнæнтæ*), вся мебель (столы, стулья, *сынтæджытæ, уырындыхътæ, авдæнтæ, тахтинтæ, бандæттæ*) и посуда (*уыйдзуытæ, тæбæгътæ, цолпитæ, къустæ, фийагтæ æмæ инна ахаем мигæнæнтæ*) была изготовлена и вырезана своими руками (был даже фамильный знак на изделиях). *Алдымбыд* — тесемочку из 3—5—7 или 9 нитей умели делать даже дети; женщины рукодельничали: шили одежду и обувь матерчатую и кожаную, папахи, вышивали: платочки, табакерки, коробочки, платья, салфетки, скатерти, «ковры»; катали войлок, держали тутовых шелкопрядов, делали *хызтæ* (осетинские шелковые шали сеточкой, мужские майки такой же сеточкой, причем у Дзодзиковых был свой «узел» при изготовлении этих изделий, он передается из поколения в поколение и не утерян и в наши дни), тесемки для подшивания краев папах, платья, рубах и штанов. Это были такие маленькие станки, я помню три таких: один совсем маленький — длиной 60—70 см, шириной около 25 см на нем делали тесемки разной ширины; на другом, который был побольше, изготавливали женские плетеные, с орнаментом пояса; на третьем, самом большом, ткали ткани, в том числе на обмен и продажу. Дзодзиковы были меткими охотниками, умело управлявшимися с оружием и хорошими наездниками, были среди нашей фамилии целители, сказители и сочинители песен, садоводы, скотоводы; имели пастбищные и сенокосные уделы, но жилось им все-таки нелегко — земли на всех не хватало и время от времени, так же, как и представители других фамилий, молодежь Дзодзиковых выезжала «добывать» скот (*балцы цыдысты*).

Надо сказать, делали они это редко, но мастерски, как свидетельствуют устные фамильные предания. И вот однажды они добыли большое стадо крупного рогатого скота и баранов. Под фамильным *хадзаром* (*ганахом*) — на первом этаже было достаточно места, но стадо было большое, и все животные туда не поместились... пришлось большую часть той же ночью перегнать и продать кабардинцам, какое-то число голов оставили себе, из них часть забили, засолили, закоптили, с десятка баранов раздали соседям. Эта и следующая зима были обеспечены.

Но через некоторое время скот на подворье стал гибнуть: ни крупные, ни мелкие животные не выживали, гибла даже птица... что только не предпринимали — поменяли корм, давали целебные травы и воды, вычистили и обсыпали все помещение и все уголки гашеной известью, потом измельченным углем и пеплом, потом сверху обсыпали и обмазали пол и стены свежей глиной, пол выложили свежей сосновой доской... — не помогло; отстроили новый загон для скота, тут же, во дворе, чуть выше по течению реки Фиагдон, слева от *ганаха*... ничего не помогало... живность в доме не держалась. А как в большой семье без мяса?

Мужчины стали подумывать о какой-то напасти типа сглаза, порчи, Божьего наказания или даже происках *Далимонов* (чертей). Испробовали все возможные молитвовозношения: *Фосы Фалвара* (*Фосы Фæлвæра* — покровитель домашнего скота), *Карчы Лоймæ* (*Карчы Лой* — покровитель домашней птицы), *Уацилла* (*Уацилла* — в

осетинском нартовском эпосе — небожитель, находится в состоянии вражды с Нартами. *Уаццлла* — один из самых популярных божеств, бог-громовержец, покровитель хлебных злаков и урожая), *Дзывгъисы дзуарма* (букв. «Ангел Дзывгиша» — одно из самых почитаемых святилищ в Куртатинском ущелье, посвященное Уастырджи), *Бынаты хисаума* (*Бынаты хицау* — домовый), но ничего не помогало — животные гибли.

Отчаявшись, глава семьи обратился за советом к Старейшине — священнослужителю Святилища *Дзывгъисы Дзуар* (*Дзывгъисы Дзуары лæгма*), мол, гибнет живность у нас и ничего не помогает — никакие меры, никакие молитвы; не получается спасти ее, не живет — и все. Что делать? О добытом когда-то стаде быков, коров, телят и баранов он и не вспомнил, и не поведал.

Дзывгъисы Дзуары лæг внимательно выслушал Старейшину фамилии, помолился, осытив три традиционных уаливыха (традиционные осетинские пироги с домашним сыром), три ребра (барана резали рано утром в этот день, три ребра отваривали, поджаривали и клали на ритуальные пироги) и *алутон* (вид осетинского пива), и, сказав, что это какой-то особый случай, удалился во внутреннее помещение Святилища. Не было его достаточно долго и, когда он вышел, вид у него был хмурый, — «Несколько лет назад вы угнали скот, среди них был белый бык — *Мыкалгабыртæн Нывонд гал*».

Мыкалгабырты Кувæндон — Святилище Мыкалгабырта — находится в селении Ход, Алагирского района (за перевалом от Куртатинского ущелья к Алагирскому — через отроги массива Хъариухох). Имена Святых Михаила и Гавриила объединены в одно — *Мыкалгабыртæ* и у осетинского народа считаются покровителями (божеством, повелителем) Изобилия (у Мыкалгабырта просили послать богатый урожай, большой приплод в стадах, предохранить от невзгод и болезней, обилия всего: в достижениях, в жизни, в семьях, в домах, в достатке, в еде...). <http://oss.kirimiti.ru>

Поклоняются двуединому Божеству — *Мыкалгабыртæ* только в Алагирском ущелье и ни в одном другом ущелье Северной Осетии. Для вознесения молитвы *Мыкалгабырты Кувæндоны* режут белого быка (или барана), которого заранее выбирают и откармливают для этого ритуала (*нывонд* — выбранное жертвенное животное). Обычно после празднования дня Мыкалгабырта покупали молодого быка, на собранные людьми пожертвования, затем бросали жребий и отдавали в тот дом, чей жребий выпал, где его кормили особо чистой едой, пасли и охраняли до следующего праздника. Если бык был не белый — его как-нибудь метили, например, на рог повязывали ленточку или вплетали ее в хвост, либо просто запоминали и знали, что это жертвенный бык для праздника в Святилище Мыкалгабырта (*Мыкалгабыртæн Нывонд гал*). С момента, как животное выбрано, оно неприкосновенно.

Старейшина фамилии Дзодзиковых вернулся домой, собрал братьев, стали они обсуждать, сказанное Священнослужителем *Дзывгъисы Дзуар*, думать и вспоминать могло ли такое произойти, когда и как? Если бы жертвенный бык был замечен, его непременно вернули бы — просто перегнали бы через перевал, и он сам пришел бы домой. И тут кто-то вспомнил о том, как несколько лет назад в Алагирском ущелье было добыто большое стадо, а в нем было несколько светлых животных.

Старший фамилии Дзодзиковых вновь направился в Святилище *Дзывгъисы Дзуар*, встретился со священнослужителем и поведал ему о том, что, возможно, именно тогда среди этих животных и мог оказаться жертвенный бык (*Нывонд гал*), которого в темноте и спешке не заметили и не отделили. Дзуары лæг задумался и сказал: «То, что вы сделали, это — большой грех. Для того, чтобы Бог простил Вас, и изобилие вернулось в Ваши дома, Вы должны сделать Святилище Мыкалгабырта. Вы знаете, что Куртатинское сообщество этого не одобрит, поэтому я «не знаю», какое Святилище будет устроено у вас во дворе».

Дзодзиковы решили построить святилище, но не было ясно, где именно его расположить. Купили белого быка, вознесли молитву *Мыкалгабыртæм* и отпустили его, бык походил, походил по территории двора, потом перешел в огород, встал в одном месте, постоял, потом лег. В этом месте его принесли в жертву, а потом сделали небольшое Святилище из камней.

Выяснили детально, как правильно освятить место, приносить жертву и возносить молитву и стали ежегодно отмечать этот день, который приходился на следующее воскресенье после празднования *Хетаджы Дзуары бон* (*Рухс Тымбыл Хъæды Дзуары Бон*), как правило, в третье воскресенье июля. В жертву приносили белых животных: в один год быка, на следующий год барана и так чередовали.

Фамильный дом (ганах) Дзодзиковых был традиционно двухэтажным. С крыши второго этажа сделали переход к Святилищу Дзодзиковых (*Дзодзыккаты Кувæндон*), расположенному между *ганахом* и дорогой на западном краю участка. Первый этаж *ганаха*, где обычно держали животных, был переделан в жилые помещения. С тех пор изобилие вернулось в семью Дзодзиковых, «добывать» скот (*балцы цауын*) необходимости уже не было. *Дзывгъысы Дзуары лæг* сдержал свое слово, и только он и Дзодзиковы знали, что здесь возносились молитвы *Мыкалгабыртæн*.

В перечне Святых мест в Куртатинском ущелье упоминается о 32 Священных местах, указана дислокация, краткое описание и дни, когда у Святилищ следует возносить молитвы. Среди выше перечисленных Святилищ не указано фамильное Святилище Дзодзиковых (Дзуцев Х. В., Цагаева А. Д., Цогоев Т. Н. Священные (табуированные) места Северной Осетии.— Северо-Осетинский центр социальных исследований ИСПИ РАН.— Владикавказ.—2001.—28 с.), оно и понятно — Фамильный Кувандон Дзодзиковых (*Дзодзыккаты Кувæндон*), где возносились молитвы *Мыкалгабыртæм*, был скрываемым фамилией Святилищем.

В настоящее время фамильный Совет Дзодзиковых создал общественную организацию фамилии и работает над тем, чтобы восстановить историко-архитектурное наследие нашего Рода.

Игорь Лукьянов
(г. Борисоглебск)

Игорь Лукьянов — русский поэт. Член Союза писателей России. Лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова

* * *

И вроде прав...
А все ж себя корю:
Не то я думаю.
Не то я говорю.
Не та у слов моих
То глубь.
То статья.
Ведь за слова
Привык я отвечать...

* * *

Она как есть —
бесмыслица бессмыслиц.
Хоть как лоб морщи,
душу напрягай,
Когда терзает женщину убийца
И грабит ветерана негодяй.
Есть у страны
защитники — солдаты
Ее святых потомственных границ,
Но кто ее спасет от адвокатов
Предателей, растлителей, убийц...

* * *

*К картине Алексея Саврасова
«Грачи прилетели»*

Зацерковная даль.
Заревые лучи.
Мне оттуда
О чем-то горланят грачи.

Я гляжу —
И души оторвать не могу
От разбросанных веток
На талом снегу...

* * *

В напоре дней,
Как вьюгою колючей,
Пройду —
И что-то заново пойму.
И где-то невзначай,
А не по случаю
Кому-то руку
От души пожму...

* * *

Чтобы не скурвиться,
Чтобы не ссучиваться,
Надо учиться —
Учиться разучиваться
Наперекор,
Встреч уменью и гонору
Надо ломиться
В обратную сторону...
Что-то получится
Иль не получится,
Но надо учиться —
Учиться разучиваться...

* * *

Банален мир от кочки до небес.
Банален и застоем, и прогрессом,
Как волка не корми — он смотрит в лес,
Как жизнь не возноси — мы смотрим в детство.
Спасибо ей за все, что приобрел —
За ту в листве садовую дорожку,
За тесный с керосинкой коридор,
Где бабушка мне жарила картошку...

* * *

*И ночью, и днем
В просторе морском
Стальные идут корабли
(из песни пятидесятых годов)*

Не забыть мне Советскую Русь
С Красным знаменем над головой.
Как хотите, а я остаюсь
С тем, что было моей страной.

Лишь с ними
Я что-нибудь значу —
Сурово молчу или плачу
Среди золотого тумана
Рассветных осенних полей.
Лишь с ними
Средь тихого луга,
Когда предночная округа
Домишками дальними блещет,
За лес провожая закат.
Могу я задумчиво слушать,
Как грустно считает кукушка
Далекие лучшие годы,
Что вновь повторятся навряд.

* * *

Мудрецов фантазии и изыски
Превратятся в мусор и туман
Коль однажды в духе ты и истине
Протаранишь стен самообман.
Нечем на свободе душу тешить.
Нечем на улыбки отвечать,
Коли сквозь любезную безгрешность
Каинова скалится печать!

ШИРМЫ

*Мы темные люди,
Но с чистой душою*
Юрий Кузнецов

Честен и прям,
Как Барбос из мультфильма,
Жизнь-то
Она далеко не мультфильм,
Русский Иван,
презирающий ширмы,
Начисто
вырвет
любого из ширм...

* * *

*И каждый час уносит
Частичку бытия*
А. С. Пушкин

И вот она —
Частичка бытия:
Круги орла
Над полосой жнивья.

Погост средь поля.
Беспощадный зной.
И синева бессмертья надо мной.

УКРАИНА-2014

Я служил и с Петро, и с Миколой.
В годы те и кацап, и хохол
Проходили армейскую школу,
Натирая мастикою пол
В нашей общей советской казарме.
На державу родную свою
Мы смотрели одними глазами,
Шаг печатая в общем строю.
Как же так, Николай и Петруха.
Что свои по своим — не разнять,
Нынче бьют из орудий друг в друга.
И рыдает славянская мать?

* * *

Важны для народа,
Чтоб был он страной —
Георгий с копьем
И Егорий с сохой.
Чтоб силу имея,
Не лихо творить,
А поле засеять...
Себя защитить...

* * *

Небесность лиц я рад увидеть в храме.
Когда суровый русский патриарх
О мировой рассказывает драме
Во всем понятных праведных словах.
Я вижу здесь своих сестер и братьев:
Больных, здоровых, старых, молодых.
Я вижу здесь народ из русской рати
Под стягами молитв своих родных.

* * *

Жизнь уродуют не передряги,
А в своих искушеньях слепа,
Не познав ни добра, ни отваги,
Полюбившая пошлость толпа.
Алчной в доску до зрелищ и хлеба
Не разъять в покаянии уста.
Не вместить ей в себя волю неба,
Осененного духом Христа.

* * *

Помню — из ворот кинотеатра
Выходили преображены
Судьбами запечатленных в кадрах
И трудяг, и воинов страны.
Но во власть проникли ренегаты.
Средь рекламных буржуазных благ
В фильмах — ни трудяги, ни солдата,
Лишь одно блядво на всех углах.
Жизнь пошла по правилам торговли:
Коли не богат — считай кретин.
И хрустит попкормом поневоле
Одинокий в зале «господин»

* * *

Сел я на поезд вечером — в восемь.
И загремели колеса сквозь осень
Ранние сумерки, а изнутри —
Крыши московские, дождь, фонари.
Поезд по графику ход набирает,
Мимо уже — гаражи и сараи.
И, вот, последним сверкнув огоньком,
Город исчез и лишь — поле кругом.
Поле и поезд, поезд и поле,
Доля, ты доля. Божия воля...

* * *

Прошуршит осенняя осока:
Все до срока в мире,
Все — до срока.
И об этом четко
В светлых кронах
Прокричит мне
Местная ворона.
В берег приунывшего пруда
Горьким вздохом
Плещется вода.

* * *

После Покрова
метельного ждаться покрывала.
Снег и морозы,
конечно, еще — не Помпея.
Но, что — звучало, сияло
гремело и звало —
Все это в прошлом
и силы уже не имеет.
Каждый с рожденья
заносится в списки пропащих.

Раньше иль позже
 приходит щемящая зрячесть.
Нет ничему в этой жизни
 цены настоящей
Средь прямотушья
 и лживых бездушных изяществ.

* * *

Что-то понял старик перед смертью
И устроил в палате дебош.
Словно рвал окаянные сети,
Понимая, что их не порвешь.
Был по жизни сноровист и весел.
И в труде, и в застолье — хорош.
И его лебединою песней
Прогремел тот больничный дебош.

* * *

Плачь, сердце, плачь
О всем, что я увижу
Когда-нибудь вдали
Последний раз:
Осенний палисад
С опавшей мокрой вишней.
Родимый взгляд
Невозвратимых глаз.
Плачь, сердце, плачь
Ты право в этой грусти...
И то — не слабость, нет.
И не уход в себя.
А просто —
 правда чувств
По самой высшей сути.
И ей — не человек,
 не человек судья.

Игорь Нехамес
(г. Москва)

К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Действительный член Академии российской литературы, действительный член Академии гуманитарных наук России, член Московской городской организации Союза писателей России, член Союзов журналистов России и Москвы, кавалер орденов М. В. Ломоносова и В. В. Маяковского, М. Ю. Лермонтова и Г. Р. Державина, лауреат литературных премий имени А. А. Фадеева и имени К. М. Симонова, лауреат премии литературного агентства «Московский Парнас», лауреат премии «Золотая осень» с вручением ордена С. А. Есенина. Лауреат премии «За лучшую детскую книгу» 2011—2012 гг. с вручением медали имени С. Я. Маршака, лауреат премии «Золотое перо Московии» Московской областной писательской организации, лауреат Золотого диплома имени Ф. И. Тютчева, лауреат II степени второй Международной олимпиады искусств Международной федерации искусств под эгидой ЮНЕСКО в России, лауреат премии «Серебряный крест», лауреат Всероссийской премии имени П. Л. Проскурина, лауреат Всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Автор 17 прозаических и поэтических книг.

МОНУМЕНТ СЛАВЫ

Мы идем к монументу
Не пришедших с войны,
На венках скорби ленты
Цвета вечной вины.
Нас священная дата
снова вместе свела,
Званий нет — все солдаты,
Память судьбы сплела.
Мерно в ногу шагаем,
Вспоминать — вечный крест.
До озноба страдаем
Под печальный оркестр.
Мы оставлены Временем,
Чтоб потомки потом
Были вечно несменены
Дедом, братом, отцом.
Память — совесть внимания
К непришедшим с войны,
А минута молчания —
Горький вскрик тишины.

ВЕЩАЯ ЦИФРА РОССИИ

Три попытки даны человеку,
Три дороги дано выбирать,
Трижды думать, чем петь хвалу веку,
Трижды в детях себя повторять.
Тройкой лихо по жизни промчаться,
Троекратно друзей лобызать,
Трижды славить славянское братство,
Трижды верить и трижды прощать.
Троекратно проверив, решиться,
Троекратно крестом осенить,
Трижды в деле в лепешку разбиться,
В соснах трех не искать истин нить.
Третьим Римом — Москвой восхититься,
Треугольник Кремля распознать,
Трижды свистнуть — и смело прельститься:
За три моря пешком прошагать.
Трижды сплюнув, чтоб бес не попутал,
Три желанья на помощь позвать
И былинку от предков под лютиком
Для потомков сыграть-рассказать.
Перед Троицей — чудной иконой
Троедружие благословить
Колокольным божественным звоном:
Русь всегда защищать и любить!

СВЕТ МЕДАЛИ

На полинялой гимнастёрке
Не разглядишь издали:
Судьбой и временем затёрта
Была медаль фронтовика.
Трудом измученные руки
Колодки тронули муар,
И дружелюбно, не от скуки,
Открыли старый портсигар.
Размяли пальцы папиросу,
Просыпав крошки табаку.
Найдите время на расспросы,
Дав огоньку фронтовику.
И на линялой гимнастёрке
Медаль засветится, звеня,
И станет горьким дым махорки,
Как Память Вечного Огня!

РАТНИКИ РУСИ

Он был русский солдат,
Потому что погиб за Россию.
Ну и пусть, что лицом смугловат,

Мы его защитить попросили.
Попросила река,
Где он в детстве часами плескался.
Попросили века,
Где дух предков навечно остался.
Попросили дубы,
От которых напитан был силой,
Стон беззвучной мольбы
От любимой — доверчивой, милой.
Он пошел защищать
Из Сибири, с Урала, с Кубани,
Всех имен не назвать:
И Петры, и Богданы, и Вани,
Салаваты, Тенгизы, Абрамы,
Магомеды, Рашиды, Кирсаны,
Константэны, Олеги, Байрамы —
Разных вер и родов, тейпов, станов...
Он вернуться мечтал:
Там его ждут по пору по сию.
Он позор не застал,
Потому что в разоре Россия.
Сто народов Руси
Делят землю, историю, флаги,
А друзей поносить —
Будто плеск самогона в баклаге.
Зарастает погост
Не травой, а бесстыдным забвеньем.
Встань, солдат, в полный рост —
Отврати от лукавого рвенья!
Память, гордость и стыд —
Эти вехи наш путь выправляют,
Вспомним всех, кто забыт,
Навсегда землю нам оставляя.
Перекличка имен —
Для живых *честь* бойцам поклониться,
Будь достоин Времен,
Что Руси помогли сохраниться.

СИЛА ПОБЕДЫ

Наши даты славы и печали
То бодрят, а то ввергают в грусть.
С прошлым настоящее встречалось,
Если что-то прожито, то пусть!
Прошлое становится желанным —
В нем остались молодость и страсть,
Будущее холодит обманом:
Счастье будет полным? Или часть?
Потускнели яркие награды.
Или это зрение смерчит?

Звонкостью не радуют парады,
Скоро-скоро Время замолчит...
Но в *девятый день*, в цвет красный *мая*
С плечиков снимаем пиджаки —
Мы идем на площади, хромая,
В звании «*солдаты-мужики*»!
В нашу силу вновь потомки верят,
Блеск Победы золотит года.
Время нам еще Судьба отмерит:
На пилотках — Красная Звезда.

ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

Старухи хранили Россию,
Храня — хороня мужиков,
У Бога заступство просили,
А внукам — судьбу без оков.
Поднять детвору обещали
ушедшим на страшную брань.
И в битвах их путь *освящали*,
Даруя надежную грань.
И грань та — в граненом стакане,
И грань — в закопной грязи,
И грань — в ожиданьи свиданий,
И грань — в оскуденьи слезы...
Россию старухи хранили
и истово ныне хранят:
Кто жили — о них не забыли.
Как жили — Судьбу не бранят.
И память, как вехи по бедам:
Как сдюжили горе сердца?
Старух вдохновляла *Победа*
и скрипы ступенек крыльца.

ОГОНЬ ПОБЕДЫ

Безответные дни, неприютная старость.
И в семейных альбомах залежала пыль.
Остается одно — только самая малость:
Опереться на данный бесплатно костыль.
Телевизор настроен соседским парнишкой —
Просто из уваженья к ветерану войны.
И старик попритих, чтоб не кашлять с одышкой:
Хоть бы силы хватило быть в составе страны!
Диктор кончил вещать о значеньи Победы,
Отстук стрелки секундной зарябил циферблат.
«Чтоб с достоинством встать, отогни полу пледа!» —
Сам себя вдохновляет советский солдат.
Объявили салют: первый залп, второй, третий...
Пот лицо заливает, сердце бьется внаскок.

Разноцветный огонь будто ласковый ветер
Помогает отвлечься от нужды и тревог.
Тени однополчан высветляет салютом,
Переключка с Судьбою: вновь звучат имена.
Остается шагать неизвестным маршрутом —
Это все, что солдату оставляет война.

ВСЕГДА ПОМНИТЕ

Они никогда не вернутся с войны,
Судьбою для них остановлено время.
И холод мемориальной стены:
Колонки имен — горькой памяти семя.
Природа для жизни дает семена:
Когда пустоцвет — ничего не родится,
На мемориальной стене имена,
И каждым по праву мы можем гордиться.
Их подвиги — верность родной стороне,
Их ждали домой для любви и защиты,
И фраза на мемориальной стене:
«Никто не забыт и ничто не забыто!»
И этот девиз, как молитву шепча,
Потомки хранят, набираются силы.
В строю поколений нет крепче плеча —
Вот почему и сегодня мы живы!

ГОРДОСТЬ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

С победой! Гранены стаканы
Мозолистой хваткой — с резьбой.
Под стук, а не звон ветераны
Всегда вспоминают свой бой.

В том стуке отчаянье павших,
В атаку пошедших с тобой,
В том стуке уверенность знавших:
Победа — под Красной звездой.

Лишь в беге полощется знамя —
Кумач с кровью смешан навек,
Огня векового пламя
Вместил в монумент человек.

ПИОНЕРУ-ГЕРОЮ

Со страхом идя на стихию,
Ты веришь в счастливый исход.
Пусть предположенья плохие,
Но сердце надежду дает.

А силы дает галстук красный —
На шею твоей невесом.
И мыслишь задорно и ясно:
Мы трудности все превозмем!

А узел надежно завязан,
Хоть ветер полощет концы,
И ты поколеньями связан,
Где прадеды, деды, отцы.

А если замыслено дело
Во благо Отчизны родной,
То смело идут пионеры
Всегда в авангарде на бой.

Наветом оболганы предки:
Мол, жили, трудились не так,
Зачем лезли вы, малолетки,
В горнило смертельных атак?!

Не возрастом мерится подвиг,
А лишь бы Отчизна была:
У времени ты не угодник,
Энергию доблесть дала!

За правдою в вечном походе
Тебя вдохновляет звезда.
Ты — стержень в крепчайшей породе,
Так было! Есть! Будет всегда!

Частицею красного стяга
Твой галстук по праву зовут,
Победой прекрасна отвага:
Огонь пионеры зажгут.

ЗАГРУСТЬЕ

Уходят в Вечность старики,
На мир взирают отрешенно
И вспоминают затаенно
О звонах жизненной реки.

Им надо силы сберечь,
Чтоб дольше греть сердца задором,
Пространство не охватишь взором:
Где строить мост? И где стлать гать?

Все зыбко, знают старики.
Зыбуч песок, и память — тоже.
Что прожито, то и итожат
Часы. И хрипы их горьки...

Уже задрапирован вход —
Теперь назад не сделать шагу,
Но сохраняя верность Флагу,
Все верят в солнечный восход!

Чем дольше прожито, тем страх
Сильнее требует согнуться,
Найти бы силы встрепенуться,
Раз эхо слышится в горах.

Все ль переделаны дела?
И все ли сложено потомкам?
И в каждом дне, что был не скомкан,
Надежда искренней была?

Вслед старикам так страшно жить:
Путь к безысходности указан,
И вместо бриллиантов стразы
Сверкают. Так тому и быть?

ПЕРВЫЙ ПОДВИГ

(быль)

Загорелся старый дом —
Все охвачено огнем.
Старуха жалобно кричит:
«Наше прошлое горит!»

Жалко правнуку старуху,
Надевает брезентуху,
Окатил себя водой
И бежит в свой первый бой!

В страхе ждут односельчане:
«Что же будет с нашим Ваней?
И зачем он побежал?
Что там правнук потерял?»

Слышны стуки, звон стекла,
Мат с охрипшего горла...
«Раз ругается — живой,
Справится с любой бедой!»

Кто сказал в толпе ту фразу
Уж и не упомнишь сразу!
Но народ приободрился:
Свет надежды появился.

Воду лить хотят в проход,
Чтоб счастливым был исход.

Но пожарный не велит:
«Если пар вдруг повалит,

Путь парнишка потеряет,
Выход свой не распознает!
Батогом тяните бревна,
Чтоб бежать Ванюше ровно!

Водой ведра наполнять,
Пламя чтоб потом сбивать,
Когда выйдет он наружу,
Наш Ванюшечка все сдюжит!»

Мигом выполнен приказ!
С огорода ведом лаз,
Как в подполье ход пробить,
Чтоб Ванюшке подсобить.

Ломом выбивают крышку,
Чтобы выволить парнишку.
Домотканые дорожки
Жар ослабили немножко.

Шум Ванюшка услышал
И на кухню прибежал.
Весь обтерханный* огнем,
Вниз протиснулся ужом.

Крышку быстро опустили,
И Ванюшку потащили,
Вынесли на огород —
Сам Ванюшка не идет.

Обожженными руками
К телу что-то прижимает.
Распахнули брезентуху
И раздался крик старухи:

«Карточки Ванюшка спас!
Сохранил нас род сейчас!
На стене избы висели
Пять ушедших поколений!»

Снимки треснуты, примяты,
На них женщины, солдаты,
Детвора и старики:
Кто с клюкой, кто — без клюки...

Жаль избу — потом отстроят,
Но не скрыло память горе!

* Обтерханный — поженная одежда, с которой сыплется пепел.

А Ванюшка оклемался,
Служить в армии собрался.

Направлен был в Кремлевский полк:
Из Ванюшки вышел толк!
Перчатки — формы причиндалы
Шрамы на руках скрывали.

К обелиску в День Победы
Предков принесли проведать:
Хранят три стенда старину —
Потомкам сберегли страну!

ПЕРВАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ КНИГА 2015 ГОДА

25 декабря 2014 года в магазине «Библио-Глобус» в Москве благодаря любезному приглашению президента ООО «Торговый дом «Библио-Глобус» заслуженного работника культуры РФ Бориса Семеновича ЕСЕНЬКИНА в рамках заседания клуба «Литературные зеркала» состоялось представление первой поэтической книги 2015 года в России «Когда вдохновляет время», автором которой стал известный российский писатель, действительный член (академик) Академии российской литературы, член Высшего творческого совета Московской городской организации Союза писателей России Игорь НЕХАМЕС.

В презентации приняли участие: академик Российской академии наук Александр Сергеевич СИГОВ, Чрезвычайный и полномочный посол страны Владимир Владимирович НИКИТИН, бывший заместитель министра образования и науки РФ Валерий Сергеевич МЕСЬКОВ, ответственный секретарь общества «Россия — Куба» Ирина Сергеевна СТОГОВА, председатель правления Московского отделения Российского творческого союза работников культуры, член Союза писателей России Николай Васильевич ТЕРЕЩУК, актриса Ирина Викторовна МИХЕИЧЕВА, организатор литературного процесса Елена Владимировна ЖУКОВА, писатели: Андрей Александрович ДЕБАБОВ, Андрей Александрович ТАРАСОВ, Кирилл УСАНИН, Валентин Борисович РЕЗНИК, Сергей Михайлович ЛУКОНИН, Михаил Сергеевич МОРОЗОВ, Владимир Карлович ЛОРИЯ, Татьяна Львовна ЩЕРБАТОВА, Михаил Борисович ЭФРОСНАН, Виктор Геннадьевич ФРОЛОВ, Татьяна Юрьевна ПЛЕТНЕВА, Владимир Константинович АРХАРОВ.

Вел заседание клуба «Литературные зеркала» известный российский поэт, член Союза писателей России Сергей Константинович КРЮКОВ.

Автор читал свои стихи. Участники заседания в своих выступлениях отмечали высокий уровень поэзии, отточенную стилистику каждого стихотворения, их патристическую направленность.

Участники обсуждения отдали должное и высокому полиграфическому качеству издания, осуществленному стараниями издательско-полиграфического объединения «У Никитских ворот».

За первые два часа было раскуплено около 30 экземпляров книги.

(Соб. инф.)

Анатолий Болутенко
(г. Гродно, Белоруссия)

Анатолий Иванович Болутенко родился в 1936-м г. Окончил Белорусский политехнический институт по специальности «Технология силикатов», кандидат технических наук. Силикаты — вещество, из которого состоит литосфера Земли. Знания в этой области позволили создать ряд интересных работ. Родные места — Могилевщина, милый его сердцу Кричев, с прекрасной и нежной, ласковой и спокойной речкой Сож. Золотые пляжи Сожи, многоцветные заливные луга, недалекие сосновые боры и сейчас дают ему творческое вдохновение. Стихи начал писать в 1992 году. Пишет на белорусском и русском языках. 37 лет прожил на Украине, с 1997 по 2010 год жил в Пинске (Беларусь). Полесье — живописный уголок белорусского земли. Красота полесской природы, прекрасные реки Припять и Пина дали богатый материал для стихов. Большинство их написано на пинской земле. С конца 2010 живет в Гродно. Воодушевляет величественный Неман и сосновый лес над ним в пределах города.

ДАЛЕКАЯ РОДИНА

Как же далеко ты, Родина!
От воспоминаний боль.
Край, откуда родом мы,
Навсегда в душе с тобой.

Родина дает мне силы.
Нежность тоже от нее.
Разлучил нас рок немилый —
Мысль покоя не дает.

И на Родине невзгоды
От судьбы неожиданных вьюг.
Но на расстоянье в годы
Я люблю ее до мук.

Хоть и далеко от Родины,
Чувствую душою вновь:
Край, откуда родом мы, —
Моя вечная любовь.

Край родной звездою светится,
Но не вмочь ее достать.

Где ж времен обратно лестница? —
Я б не стал его бросать.

И одно теперь я знаю:
Дай мне, Боже, так прожить —
О любви к родному краю
Не устать мне говорить!

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ

Край родной Днепра и Сожа —
Серебристая вода.
Как вокруг красиво, Боже! —
Почему с тобой беда?

Натерпелся ты немало,
Вот теперь бы жить да жить.
Словно вражья рать напала —
Край мой раненный лежит.

Все чернобыльская птица
Пеплом крыла, как крылом.
Что же здесь теперь рождается?
Как же жить в краю родном?

Видно, никому нет дела.
Доля что ль такая нам?
Видно, уж судьба отпела.
Или выход будет дан?

Бесконечные вопросы.
Будет ли когда ответ:
Или нас с земли попросят,
Или мы увидим свет?

Край родной, как же немило
Обошлась судьба с тобой.
Боже, дай надежду, силу,
Чтобы выдержать нам бой!

СИНЕОКИЙ КРАЙ

Отражается небо в воде.
Глубина, словно в море.
И земля от озер везде
С синевой во взоре.

Много песен пропето тебе,
Край озер синеокий.
И рождаешь всегда о себе
Ты высокие строки.

Всегда манит твоя красота
И приятны пейзажи.
Я знавал и другие места,
Но для сердца ты важен.

Очень скоро к тебе возвращусь
Красотой любоваться.
И однажды, возьму, не прощусь —
Надоело скитаться.

Ведь сберег я к тебе любовь,
К языку и народу.
И приятна мне музыка слов,
Словно песня природы.

Я с тобой, моих предков земля,
И в веселье, и в горе.
Беларусь синеокая — радость моя
С глубиною во взоре.

РАНЬШЕ И СЕЙЧАС

Леса, леса и перелески.
Спокойное течение рек.
Как чудо ты, мой край Полесский.
Здесь Припяти спокойный бег.

Здесь реки многие известны.
Они Днепру свой ток дают
И дань богатую всеместно,
Как Колос говорил, несут.

Людей здесь аист не боится —
Ведь люди им хотят добра —
И над усадьбами гнездится,
Когда детей растить пора.

Всегда здесь было очень тихо —
Страна непуганых зверей.
Теперь нас посетило лихо —
АЭС «немирностью» своей.

В беде леса и перелески.
Край белорусский, край Полесский
Многострадальным нынче стал,
Но лю□бым быть не перестал.

СМОТРЮ ВОКРУГ

Смотрю и наглядеться не могу:
Какая красота вокруг!

В лугах легко так обуздать тоску,
И лес поддержит, словно друг.

Смотрю на речек милых синеву,
И радость в сердце не смолкает.
Я завтра утром вновь сюда приду —
Краса так душу поднимает!

Здесь аисты летают, ходят кругом.
А скоро двадцать первый век.
Но сохранился этот тихий угол,
Хоть мел и здесь смертельный «снег».

Плывут в высоком небе облака
И тонут, тонут в синем лесе.
Наш край прекрасный жив еще пока,
И имя прежнее — Полесье.

Его краса приятна для души.
Смотрю вокруг и счастье чувствую.
Ведь прадеды не зря сюда пришли.
Я предкам с радостью сопутствую.

ПЛАЧУТ ВСЕ

Что шепчет камыш возле мельницы?
О чем плачет над речкою ива? —
Что встретили лихо-подельницу,
Что сейчас наша доля тосклива.

Были чистыми раньше источники,
И медовыми были луга.
Ныне воды все стали, как сточные —
Замела кругом пепла пурга.

Подосталось беды нашим хатам.
Плачут речки, леса и поля.
Ведь чернобыльский лег на нас атом,
Стала грязной, заразной земля.

Радиация всюду, ни шагу
Без нее никуда не ступить.
И, хоть мы не теряем отвагу,
Да ужасно в соседстве с ней жить.

Плачут все: и камыш возле мельницы,
И над речкою старая ива, —
Чтоб ушло это лихо-подельница,
Чтобы жизнь снова стала счастливой.

УТРЕННИЕ ЛУГА

В алмазах ковер под ногами.
То солнце сияет в росе.
Как славно пройтись лугами
И вновь поклониться красе.

Вот и озера зеркало синее.
Шепчет тихо о чем-то камыш.
Наполняюсь я радостной силою.
На душе наслажденье-медыш.

Птичье пение — музыка льется.
Самому птицей хочется стать.
От красот сердце радостно бьется
И зовет над землею летать.

Только лучшему учит природа.
Сердцу нужен свой край дорогой.
Даже если плохая погода,
Все ж дорогой пройдишь луговой!

*Перевод с белорусского
члена Союза писателей и переводчиков
Якова Шафрана, г. Тула*

Ольга Борисова
(г. Самара)

Ольга Борисова — член Российского союза писателей, секретарь Российского союза профессиональных литераторов Самарского регионального отделения, поэтесса, переводчица, специальный корреспондент. Автор двух книг: «Как мимолетен день» и «Отражение». Печаталась в 16 коллективных сборниках, в том числе и в сборниках серии «Библиотека современной поэзии».

ЭТО РУСЬ...

«...Над Россией Божий свет...»

В. Осипов

Бесконечные дороги
И без края синь небес,
Седовласые пророки,
Золотой на храме крест.
Это Русь моя святая,
С нею — божья благодать.
Нет другого в мире края,
Где смогла б счастливой стать.
Здесь все просто, все знакомо:
Лес, озера и поля.
Ель колючая у дома,
У дороги — тополя.
А в доме горит лампадка
Пред иконами в углу
Печка, детская кроватка,
Пестрый коврик на полу.
Спит малыш в кроватке сладко,
Сжав ладошки в кулачки.
Дед зайдет, взглянет украдкой,
Приподняв на лоб очки.
А хозяйка молодая
Все хлопочет у плиты:
То нальет для деда чаю,
То крошит ножом плоды.
Во дворе кудахчут куры,
На посту своем петух.

От безделья пес понурый
Лег в тенечек под лопух...
И хозяина к обеду
Поджидает каждый тут.
За столом ведут беседы,
И вершат домашний суд.
Так живут здесь год за годом,
Коротая вместе дни.
А гуляют — всем народом!
В горе — тоже не одни.
Это Русь моя святая:
Ширь, простор и тишина.
В ней проходит жизнь простая,
Бед и радости полна.

ТРИ ДОРОГИ

«...Черный ворон; пустая дорога...»

В. Осипов

Преисподней верный страж
Вьется, рыщет над округой.
Впереди то ли мираж,
То ли крест? Смотрю с испугом.
Тихо, мрачно... Ни души...
Только крест и три дороги.
Слышу шепот: «Поспеси,
Уноси скорее ноги!»
Словно в сказке: путь прямой,
Иль направо, иль налево.
Либо с тощею сумой,
Иль кабак — и сыто чрево.
Ну, а прямо, знать «дурак».
Ни коня тебе, ни жизни.
Застилает очи мрак,
И глядит с небес Всевышний.
Выбирать мне недосуг,
Не шепчите ветры злые.
Здесь земля отцов вокруг,
Дела славные былые.
Только прямо! Нет пути
Мне, для русского, иного.
Помолюсь: «За все прости,
Сделал в жизни что худого!»
Приложусь я лбом к кресту
И отправлюсь в путь-дорогу.
То ли прямо ко Христу...
То ль к родимому порогу.
Не спеши ты вслед за мной
Быстрокрылый черный ворон.
Не окончен путь земной,

Силы жизненной я полон.
Мне смекалка — поводырь,
В судный час придет победа.
А молитва и Псалтырь
Мне оружие при бедах.

РАЗДУМЬЯ

На взгорье дремлет влажный лес:
Больной, безмолвный и унылый.
А с низких сыплется небес
Холодный дождь, и ветер стылый
Внезапно набежит волной
И зашуршит в листве проворно.
А с веток лист спадет резной,
Приняв судьбу свою покорно...
Застывший лес. Он ждет зимы.
Везде покой и увяданье,
Слияние со светом тьмы,
И жизни новой ожиданье.
Глубокий сон... Иль это смерть?
Какие тайны прячет вечность?
Перерождений круговерть
Иль жизни новой бесконечность...
Ответь мне, мудрый старый лес,
Ты долго жил на белом свете
И видел множество чудес....
Но лес мне стоном лишь ответил.

ДАТЫ

Как отметины прожитых лет
В старой книжке подчеркнуты даты.
Словно прошлое шлет мне привет,
Вдруг напомнив о прежних утратах.

А ведь было... Теперь — ничего.
Мне осталось скорбеть о судьбине.
И тоскую сейчас отчего?
По какой улыбаюсь причине?

Все же было! И радость, и грусть,
Расставанья, печали, тревоги...
Как молитву, шепчу наизусть:
«Боже, рада за эти дороги!».

БЕЛАРУСИ

Улетаю... Прощай, Беларусь!
«Зачыняюцца дзверы» и взлет.

Но в душе моей тихая грусть
К твоим весям обратно зовет.

Прилечу я, когда синий лен
Над Полесьем зажжет острова.
Кто в тебя еще с детства влюблен,
Не бросает на ветер слова.

От России глубокий поклон
Привезу я с собою опять.
Пусть над нами всегда небосклон
Будет мирно лишь солнцем сиять.

А сейчас: до свиданья, страна!
«Зачыняюцца дзверы» за мной.
Русь с тобою на все времена
С несравнимой любовью земной.

Ирина Кедрова
(г. Москва)

**ИТОГИ ДИСКУССИИ:
ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ
В ОЦИФРОВАННОМ ЧЕЛОВЕЙНИКЕ**

Прозаик и драматург. Член Союза писателей России, Академии российской литературы, Творческого клуба «Московский Парнас».

Дискуссия, предложенная главным редактором А. Яшиным («Приокские зори» № 4, 2013) затронула весомые проблемы, обсуждение которых насущно и необходимо сегодня. В дискуссии участвовали авторы журнала, живущие в разных уголках страны, состоящие в разных творческих союзах, имеющие опыт писательского дела и философско-художественного освоения происходящего.

В который уж раз главный редактор объединил литературную общественность в поисках ответов на острые вопросы: Что есть наша современная жизнь и в каком направлении движется Россия, да и все человечество? Каковы особенности и в чем уникальность отечественной литературы? В чем состоит миссия современного писателя?

Мы обсуждали, прежде всего, вопрос *о роли писателя в современном мире, и во все времена*. Все участники дискуссии, в тех или иных словах, утверждают: писатель — лицо общественное.

Писательство и общественная жизнь — явления взаимосвязанные. Широко известно: в своем творчестве писатель отражает в той или иной степени события и явления, которые происходят в обществе и значимы для его развития. Вместе с тем, творческая деятельность мастера слова воздействует на общество и на взгляды, которые становятся стержнем общественной мысли. Каждый писатель, отмечалось в дискуссии, стремится подметить и раскрыть характерные для общества явления, художественно преобразить освоение существующего мира (И. Кедрова, с. 253).

Литературный автор должен, мыслит Я. Шафран, рождать своим творчеством сострадание к униженным и оскорбленным гражданам нашего Отечества, показывать людям путь выхода из сложнейших ситуаций. В основе этого выхода всегда лежит Любовь к людям, а также превалирование совести над желаниями (с. 251).

В современных условиях, пишет А. Шендаков, роль писателя возрастает до космических высот. Его творческая работа сопряжена с ежедневным каторжным трудом не только над текстами, но и над самим собой. Ему нельзя забывать: на человеческом добре держится смысл литературного творчества. Задача писателя — донести это добро до каждого сердца (с. 262, 263).

Сегодня, справедливо печалится Л. Авдеева (с. 258), пошатнулся авторитет писателя, измельчала личность пишущего. Он должен осознать, что писатель — лицо, ответственное за эпоху, потому необходимо ему, прежде всего, научиться уважать историю своей страны, а также любить человека, а не человечество в целом.

Писатель XXI-го века, резюмирует А. Субетто,— это писатель-мыслитель, в каком-то смысле ученый (с. 248).

Недаром в последнее десятилетие в литературу пришли ученые, активно действующие в разных науках, нередко совсем негуманитарного толка. Примером тому участники нашей дискуссии и авторы журнала «Приокские зори» — Р. Артамонов, В. Василенко, И. Кедрова, И. Рухович, А. Субетто, А. Шендаков, А. Яшин.

Не будем принижать тех, кто не имеет ученой степени. Писать о человеке нельзя без знания психологии, философии, социологии. Творческий опыт А. Шендакова подсказывает: надо обладать огромным багажом знаний по литературе, социологии, политологии, психологии, биологии, физике, знать родной язык и стилистику художественной речи, а также этику, эстетику, историю и т. п. (с. 260).

И если художник слова не получил научной степени, он все равно доктор — доктор человеческих наук. Приобрел он эту степень в огромнейших трудах, ибо, как утверждает В. Трусков, литератор обязан знать своего героя, понимать его или спорить с ним, видеть его в реальной жизни (с. 284).

В. Трусков указывает на актуальные черты современного словотворца (с. 282). Первая необходимая черта — оппозиционность власти и неконформизм. Проявление этой черты, как поняли мы из высказывания В. Трускова, вовсе не означает выступлений против существующих порядков. Литератору вполне достаточно, настаивает автор, оставаться самим собой. Но что значит сегодня оставаться самим собой?

Это, полагаем мы, отстаивать свои убеждения, писать по зову своего сердца, и вместе с тем понимать: ты можешь ошибаться, тебе иной раз надо прислушаться к тому, кто с тобой не согласен, чтобы полностью разобраться в сути разногласия; есть то, что отвечает только твоим интересам, и то, что разделяет большинство народа страны (верно или ошибочно — покажет время, и оно, мудрое время, научит людей ошибающихся), но есть и то, что мы должны всегда защищать во имя Отечества и своего народа.

Вторая черта, которую подмечает В. Трусков, а вместе с ним и другие участники дискуссии, — это сострадание «к униженным и оскорбленным». Истинное сострадание, пишет В. Трусков, естественно, объективно и спонтанно, оно способствует глубинному пониманию и органичному проникновению в конкретную описываемую ситуацию.

Для полноценного проявления сострадания необходимо предельное знание предмета. Как писал еще в XVIII веке крупнейший представитель русской литературы Александр Сумароков:

«Кто пишет, должен мысль прочистить наперед».

Третья черта — политизация, которую В. Трусков видит в способности и умении выражать свою нравственную и общественную позицию.

Во все времена от писателя требовалось соответствие тем нравственным требованиям, которые подмечены в материалах дискуссии.

Дискуссия — это спор, участники которого доказывают верность своих взглядов, узнают о взглядах других людей. Это «наведение мостов» и поиск решения. Как оказалось, в обсуждении данной проблемы встретились единомышленники. «Зачем же такая дискуссия?» — спросит кто-то. И мы ответим:

Да, в нашем журнале собрались единомышленники, отстаивающие высокое звание писателя. И нам важно изложить общественности свою точку зрения. А еще каждому из нас надо понять, верно ли ты думаешь? Твои мысли отвечают современности? И еще сказать молодому литератору: «Ты выбрал сложный жизненный путь, который требует самоотдачи, самопознания, непрерывного погружения в поток знаний. На этом пути ты становишься человеком ответственным за людей, общество, Отечество, за Земной и Вселенский мир. Думай: что пишешь и как пишешь».

Вторая проблема дискуссии — *характеристика русской литературы, ее уникальность и всемирность*.

Российская словесность, пишет Л. Авдеева (с. 256), всегда разделяла судьбу страны, впитывала и отражала социальные коллизии эпохи, духовный климат общества, заставляла мыслить, ибо «мыслящая литература» всегда современна, она не устаревает, как и ее герои.

Высказывания Л. Авдеевой расширяет И. Рухович (с. 274), отмечая: русская литература всегда была направлена к человеку и «чувства добрые» в нем лирой пробуждала.

Взволнованно и ярко размышляет И. Рухович (с. 265) о базовой единице отечественной литературы — о русском языке. Поэт и прозаик, чувствующий каждое слово, в зависимости от его звучания, места в предложении, от интонационного богатства, отстаивает великое значение языка. И мы читаем в его очерке: язык формирует народ, формирует его национальное мышление. И если бы вдруг, как мы понимаем, утвердился бы на всей земле один язык, все бы стали мыслить одинаково, тогда и литература, предупреждает писатель, стала бы однородной.

Хотите ли вы однородной литературы, такой, в которой все писатели мира видят одну и ту же проблему и раскрывают ее совершенно одинаково?

Если не хотите, обратитесь к очерку И. Руховича. Мастер слова рассказывает о естественном, искусственном и художественном языках. Каждый из этих языков необходим, каждый обладает уникальностью, однако мы говорим о художественном языке, на котором слагаются литературные произведения. Более того, предупреждает нас автор очерка: «Без художественного слова упрощается и огрубляется речь» (с. 270).

Нам всем, писателям и читателям, желательно изучить этот язык, ибо «художественный язык есть совместное творчество писателя и читателя». Поэт написал стихотворение, читатель прочел и уловил смысл, который, как справедливо пишет И. Рухович, «всегда индивидуален» (с. 267).

Отметим еще одну значимую мысль, высказанную автором. Он напомнил то, что всем известно: литература — явление общественное, она затрагивает все стороны человеческого общежития, как, впрочем, и они ее затрагивают. И далее отметил: «Запад всегда ощущал: мы не такие как они» (с. 270). Наш художественный язык, а значит, и мышление — другие, им, жителям Запада, непонятные.

Не потому ли во все времена есть между народами России и западноевропейских стран некая недоговоренность, проникающая во все стороны наших отношений? И надо ли упрощаться, сходить до уровня тесного сближения с другими народами? Или надо понять: да, между нами есть недоговоренности, недопонимание, однако каждый народ имеет право на свой язык, свою жизнь и культуру, на свою литературу. Наша свобода доходит до тех границ, у которых стоит свобода другого народа, и его свобода тоже имеет границы. Здесь развивается разговор не только о литературе, но о существовании человека на Земле, народов и национальностей, об их праве на свою культуру.

И все же вернемся к литературе.

В развитии литературы происходили позитивные процессы, связанные с взаимопроникновением разных культур. На этот факт обращает внимание Р. Артамонов (с. 285), отметивший: издавна происходили пересечения культур. Так в западноевропейской литературе эпохи Ренессанса древнегреческие и древнеримские герои стали героями европейских баллад, романов, драматических произведений. То же произошло и в изобразительном искусстве. Христианство дало героев литературы и искусства разных народов. Не будь «перемещения» культур (читай — глобализации), подмечает Р. Артамонов, «сколь бы бедна была мировая культура и каждая национальная».

С автором нельзя не согласиться. Вспомним: и в нашей отечественной литературе, например, писатель XVIII века В. Тредиаковский перевел романы французов П. Тальмана «Езда в остров любви» и Ф. Фенелона «Телемахида», обогатив переводы своими стихами, что и позволило писателю представить тогдашнему российскому читателю любовные переживания героев и новый взгляд на жизнь человека.

Размышления об отечественной литературе непременно вызывают мысли *о развитии литературы настоящего времени*. Пишут участники дискуссии остро, поскольку этот вопрос лежит в зоне наших ближайших интересов.

Л. Авдеева (с. 256, 257), критически воспринимающая современные процессы развития общества и литературы, вскрывает серьезные проблемы. Новая социально-культурная среда, пишет она, обесценила наследие прошлого, разрушила целостный образ классической литературы. Литература оказалась отлученной от больших идей и светлых идеалов, от нравственной ответственности писателя за написанное, перестала быть «учебником высшего духовного познания жизни». Нивелируются такие важные в жизни общества и человека понятия как сострадание, патриотизм, гуманность. Подрастающее поколение воспитывается на произведениях, в которых преобладают сцены жестокости, насилия, грубости, цинизма. А это ведет к повышению уровня преступности и жестокости в молодом поколении.

Читатель, рассуждает Л. Авдеева, ждет произведений, в которых показаны напряженные конфликтные ситуации, осуждены пороки и их причины, герой представлен мыслящим, общественным и умным человеком, духовно сильным, раскрытым ярким и сочным русским языком. Однако, с сожалением констатирует она, читателей кильберов потчуют описаниями жизни олигархов, чиновников, банкиров, менеджеров, киллеров, куртизанок, торгашей, наркоманов.

Это сожаление понятно нам, ибо происходящее в литературной жизни негативно отражается на положении современного российского литератора и, как мы уже отмечали, на развитии нашего общества.

И. Рухович (с. 270, 271, 273) негодует по поводу многих современных проблем в литературной жизни. Он отмечает: падает интерес к чтению; усиливаются попытки повлиять на нашу культуру и наше мышление, чтобы те утратили свою оригинальность, покончить с художественным языком, уничтожить русскую литературу навязыванием мысли, что она умерла; возникает у отдельных лиц, называемых деятелями современной культуры, отрицание рифмованной поэзии, что способно привести вообще к умерщвлению русской поэзии; растет поток стихотворного графоманства, который усиливается из-за незнания и безграмотности авторов; непродуманные пародии на стихотворные строки снижают значение поэтического слова.

Кто-то решит: автор преувеличил опасность. На самом деле, автор, полагаем мы, бьет тревогу, потому что видит процессы, ведущие к уничтожению уникальности отечественного художественного слова.

Осознание вскрытой проблемы требует поиска решений, и в ответ на протесты Л. Авдеевой и И. Руховича откликаются другие участники дискуссии.

А. Шендаков (с. 263) убежден: современная проза не может существовать без объединения усилий по сохранению жизни и совести на Земле, без проблемы сохранения экологии, без утверждения этичного отношения человека не только к другому человеку, но и ко всему живому и неживому миру.

В. Трусов (с. 284) видит литературу способной своим существованием, наличием, присутствием бороться с разного рода поделками на сиюминутную потребу заказчика. И предостерегает от Интернета, в заболоченном пространстве которого можно утонуть не только писателю, но и читателю.

Можно здесь поспорить, сказать о выходе писателя через интернет на широкий читательский круг, как и о том, что читатель может в сети обнаружить своего писателя. Однако этот вопрос нельзя рассматривать однозначно. И в самом деле — выход читателя к писателю и писателя к читателю есть, однако нельзя уповать на безграничные возможности сетевой известности. Не заменит она книжно-бумажный приход поэта и прозаика к своему читателю. По крайней мере, нам так видится.

Я. Шафран (с. 251) продолжает разговор об ответственности литературного деятеля, который обязан продолжать традиции оптимистического созидания лучшей жизни, Любви и Красоты, возрождать в людях доброту и сострадание к человеку, который оказался в тяжелых жизненных обстоятельствах.

Р. Артамонов (с. 286) подчеркивает великое значение литературы (названной им аналоговой), которой интересен любой человек, не только сверхгерой. Эта литература пишется литературным русским языком, настолько великим, что он останется таковым, даже приняв в себя англицизмы и переварив их, сохранив себя, по-прежнему будет понятен всем говорящим по-русски.

Исходя из высказываний сотоварищей по перу, напомним современным литераторам и читателям слова А. Сумарокова, опять же из XVIII века, подчеркнув тем самым единство литературного процесса в России:

*«Нельзя, чтоб тот себя письмом своим прославил,
Кто грамматических не знает свойств, ни правил»*

Значительный объем текстов дискуссии посвящен одному из важнейших вопросов, вынесенных А. А. Яшиным на обсуждение. Это вопрос *о Герое нашего времени*. Нужен ли этот герой? Есть ли он? Как его отражать в литературных произведениях? Каков он?

Вопрос для дискуссии значителен, ибо каждый из ее участников причастен к созданию и описанию героя нашего времени.

А. Шендаков (с. 262) выдвигает сегодня, в сложнейших условиях существования человечества, на первый план ученого и творца-писателя, подмечая: герой нашего времени должен начинаться в самом писателе, а потом появляться на бумаге. Создать такого героя по силам только человеку посвященному, глубокому, богатому духовно и интеллектуально, прозорливому, чувствующему других людей, возможно, умеющему читать нечто коллективное из ноосферы, из космического информационного поля. Зададим автору вопрос: как же происходит чтение из ноосферы? И автор ответит: «Настоящее творчество — всегда Тайна». И обратит внимание на то, о чем говорят и другие: Любовь, Добро, Разум — основные благодетели, которые следует отстаивать в своих произведениях.

В. Трусов (с. 275) стоит на такой позиции: герой присутствует в обыденной жизни, поскольку любому человеку ежедневно приходится совершать морально-нравственный выбор по самому широкому кругу вопросов. Никто и никогда, пишет он (с. 281), не сможет указать настоящему литератору, о ком он должен писать и кого в герои производить. Это выбор сердца, выбор, диктуемый позицией самого художника. Истинный герой нашего времени — «это простой человек с очень непростой судьбой и сложным характером, со всеми слабостями и грехами людскими, но способный на проявление лучших своих качеств в обыденной и такой, казалось бы, не героической жизни, имеющий реальные цели, идущий к ним, порой вопреки неодолимым обстоятельствам и препятствиям» (с. 283).

Р. Артамонов (с. 285) дополняет: всегда есть о ком писать. Даже об оцифрованном представителе человекиника, горестно представленным А. Яшиным в книге, став-

шей основой для дискуссии. Каков он — представитель человеиника? Чем и как дышит? Интересен, далее утверждает Р. Артамонов, отрицательный герой, который наиболее точно отражает эпоху, ее достоинства и недостатки.

И в самом деле, любое явление, возникшее в человеческом мире, требует осмысления. Кто, как не писатели, вооружившись психологическими и социологическими выкладками, способны описать это явление наиболее качественно, художественно точно и доходчиво, вскрыв все особенности и глубины?

Наконец, еще одна, не менее важная проблема, затронута в дискуссии — это *проблема развития человечества и нашей страны*.

Для развития дискуссии читателям журнала была предложена книга А. Яшина «Феноменология ноосферы: Струнный квартет или аналоговое цифровое мышление». Зачин был совершен, и авторы «Приокских зорь» обратились к вопросу: что есть ноосфера, каковы ее возможности в дальнейшем развитии человечества.

Программной статьей откликнулся А. Субетто, президент Ноосферной общественной Академии Наук. В его статье рассмотрены понятия, осознание которых необходимо современному литератору. Это такие понятия как «герой», «подвиг», «литературный герой». Автор обращает внимание на ведущую задачу литературы — раскрытие многообразия мира, наличие в обществе героев и антигероев.

Подробно раскрывается суть современных преобразований, проблемы и опасности, которые стоят на пути человечества. Дается предупреждение (с. 244): в 2030—50 гг. экологическая гибель человечества может стать неотвратимой.

По-разному можно отнестись к этому сообщению. Испугаться и от страха умереть. Усмехнуться, подумав: пугает, да нам не страшно. Разумнее, обдумать, что сделать, чтобы предотвратить человеческую катастрофу. И здесь писатели должны осознать свое назначение в спасении человечества.

Помыслить о Ноосфере как новом качестве Биосферы, в котором управляет человеческий разум.

Нужен, как пишет А. Субетто (с. 247, 248), разум управляющий — ради прогрессивного развития Биосферы. Оцифровыванию мышления человека можно противопоставить культуру, творчество, тренаж интуиции, общение с природой, педагогический опыт. Нужно единение духовно-нравственного и интеллектуального начал.

В этих условиях, приобщает к общим размышлениям свою мысль Ф. Ошевнев (с. 249), необходимо разумное решение национальных отношений, чтобы не допустить исполнения желания любой нации поставить себя над остальными.

Я. Шафран, отмечая (с. 249), что человек, обладая свободой воли, обязан осознать личную ответственность за поступки. Он обращает внимание на то, что (с. 251) «наступает эпоха «живой», творческой истории, где роль человека неизмеримо качественно меняется, где роль каждого народа, каждой страны в мировом многоцветии стран и народов неизмеримо растет и где есть будущее у каждого человека и этноса».

Мы, размышляя по теме дискуссии, увидели, что человечество в своем развитии стремится к тому, чтобы жизнь двигалась дальше на основе разума, охватывая собой всю планету и энергично выходя за ее просторы. Мозг творческого человека насыщается информацией, которая льется в него из информационного поля Земли, из оболочки знаний-взглядов-мыслей-надежд, что окружает планету и подпитывается человеческим разумом (И. Кедрова, с. 252, 253).

Мы также полагаем: осознание уникальности нации и каждой отдельной личности усиливается, как и стремление эту уникальность сохранить, а наряду с этим усиливается стремление уничтожения уникальности, приведения всех в единую форму, к единым условиям существования, к единомыслию, которое способно уничтожить

людское разнообразие. Надо потратить силы и умственный потенциал не на то, чтобы идущий процесс остановить, а на то, чтобы извлечь пользу, чтобы выйти из нового явления с наименьшими потерями. В таких условиях вырастает значение литературы, назначением которой является образно-художественное раскрытие человеческой жизни.

Нашему взгляду вторит главный редактор электронного журнала «Ноосфера XX века» В. Василенко (с. 258), утверждающий: необходимо осознание Личностями-Героями собственной ноосферной природы, ноосферного статуса, ноосферной миссии в сферах жизни природы, общества, структур цивилизации.

И. Рухович (с. 264) признается: учение Вернадского — убедительная и очень красивая теория. И высказывает мысль: ноосферное будущее человечества обязательно настанет. В этих условиях его волнует судьба родной культуры и родного языка. Он пишет: «Я люблю русскую литературу, мне дороги ее традиции и достигнутый ею высочайший уровень».

Под этими словами писателя, мы уверены, подпишутся все авторы журнала «Приокские зори», как и все его читатели.

В. Трусов убеждает нас (с. 280): «Человеческий разум вне нравственности невозможен». И с этим тезисом согласимся.

Однако знаем, что происходит, когда разум идет в разрез с нравственностью. Наблюдаем, что происходит в соседней стране, в которой пришедшая к власти кучка миллиардерных негодяев, выбросившая за борт своего существования ценность жизни человеческой, уничтожает свой горемычный народ. Убеждены: их разум, отказавшийся от нравственного принятия мира, скоро прекратит свое существование. Но сколько горя на той земле останется! И если взглянуть глубже на трагедию народа, близкого нам по духу и историческому развитию, то обнаружим «происки глобализма».

Завершая обзор представленных взглядов, отметим необходимость обсуждения проблем развития общества, а также литературы, отражающей явления и события общественной жизни. Именно писатели должны сказать свое слово.

А. Яшин, как прозорливый капитан литературного корабля, ведет его сквозь рифы и мели в полновожье литературного океана-процесса, активными деятелями которого являемся мы — российские писатели.

Мы порой сетуем, что уступаем роль носителей общественных настроений, что на первый план выдвигается бульварная литература, которую и литературой назвать нельзя, поскольку не ведет она читателя к высотам нравственного духа. И нам нужны обсуждения, в которых современные писатели могут обратиться к читателю, показать ему, чем сегодня живет и дышит армия бойцов словотворческого фронта, обсудить наши взгляды на современный литературный процесс, на жизнь российского общества. Такие обсуждения, несомненно, влияют и на читателя, расширяя и углубляя круг его чтения, и на состояние общества, которое получает направление мысли, и на самих писателей, приобретших новый стимул к размышлению и творчеству.

Сергей Крестьянкин
(г. Тула)

УДЕРЖАТЬ РАВНОВЕСИЕ НАД ПРОПАСТЬЮ!

Отклик на книгу Н. Квасниковой «От сатирика слышу!..»

Член Союза писателей России. Публикуется в альманахах «Иван-Озеро», «Дом Радуги», «Голос эпохи» (Москва), «На крыльях Пегаса», «Ковчег», «Среда», «День тульской поэзии»... Наш постоянный автор.

Встретил я тут как-то своего давнишнего знакомого Егора Николаевича. Ну, ясное дело — разговорились, то, да се. Что? Где? Чем занимаешься? Семья? Дети? Кого из наших видел? С кем общаешься?

Одним словом — самая обычная беседа двух давно не видевшихся приятелей.

— Ты, я помню, рассказы писал и довольно интересные, — сказал Егор Николаевич.

— Да, — подтвердил я. — И продолжаю это дело.

— Мне даже кто-то говорил, что тебя, вроде бы, приняли в Союз писателей России?

— Все верно, — согласился я. — Было такое — предложили вступить и приняли.

— Значит, ты пописываешь, а я почитываю, — засмеялся приятель. — И ты знаешь, никак не могу привыкнуть к электронным книгам — предпочитаю читать обычные, бумажные, с шуршащими страницами и пахнущие свежей краской, или более старые — впитавшие в себя запахи домов, жилищ, библиотек и даже слегка покрытые пылью.

— Да ты, я вижу, гурман. Хотя, если честно, я сам такой же. И вообще, я заметил, что электронные книжки — это прерогатива для молодежи, а нашему и, тем более, старшему поколению привычнее и приятнее держать в руках не кусок холодной пластмассы, а издание, отпечатанное в типографии.

И тут мой приятель раскрыл сумку, висящую у него на плече, и достал оттуда тонкую книжицу небольшого формата.

«Поэтический сборник», — мелькнула у меня мысль. Попытался рассмотреть автора и название, но цветовая гамма, в которой была оформлена обложка, не позволила мне это сделать.

— Вот, пожалуйста, — протянул он мне ее. — Товарищ на работе дал. Думал, говорит, что-то юмористическое в стиле Альтова, Коклюшкина, Задорнова. Хотел почитать на досуге, перед сном, чтобы расслабиться, посмеяться, прийти в хорошее расположение духа от наболевших и набравшихся за день проблем. Или, задумавшись, усмехнуться и порадоваться стройной взаимосвязанности мыслей и наблюдательности сатирика Жванецкого. А тут — беллетристика или белибердистика какая-то. Начал читать, запутался, словно не по-русски, а на иностранном языке каком-то написано. Ничего не понял и до конца не дочитал.

Ты у нас любишь философские измышления — возьми почитай. Может, разберешься, понравится.

Взял. Почитал. Задумался. И ты, знаешь, понравилось. У нас в последнее время, действительно, много печатают, выражаясь словами моего товарища с работы, — белиберды всякой. А что-то дельное, стоящее, заставляющее задуматься — это еще поискать надо среди гор макулатуры, которую авторы пишут на полном серьезе, думая, что они создают шедевры. А тем более, если их произведения были опубликованы пару раз в каких-либо альманахах или журналах. И если кого-то напечатали, раз пять или шесть, то автор непременно считает себя сложившимся, настоящим поэтом или прозаиком, не понимая, что это лишь начало очень долгого, сложного, кропотливого и изнурительного пути, который не каждому по силам. И путь этот никогда не усыпан лепестками роз и дорога не ровная и прямая, а извилистая, каменистая и с глубокими обрывами, сорвавшись в которые, не каждый сможет проявить упорство, чтобы вновь вернуться на ту же дорогу и продолжать или начать путь заново. Как в игре. Только в игре — все понарошку, а здесь бывает горше во сто крат и обиднее, что твой труд, на который ты потратил много времени, никого не впечатлил, не заинтересовал. А кто и ознакомился, то своей критикой разнес в пух и прах ваше творение.

Некоторые после таких критических выступлений бросают свое занятие — не приносящее ни славы, ни денег, ни признания, ни удовольствия — руки опускаются.

Хочешь — почитай и составь свое мнение. Может, я не прав и твое мнение окажется другим, нежели мое.

И вот в моих руках книжечка формата, в котором обычно печатают стихи, объемом семьдесят страниц. Но — это проза, повесть «От сатирика слышу!..». Автор Наталья Квасникова. На обратной стороне обложки видим фотографию автора. Внимательный, изучающий взгляд сквозь очки как бы вопрошает: «Прочитали? Осмыслили? Разобрались?» И вроде бы строго смотрит Наталья Валентиновна, но чувствуются в уголках ее глаз веселые чертики, и готова она в любой момент рассмеяться открытым добрым смехом.

Как говаривал сатирик Михаил Жванецкий: «Давайте спорить о вкусе устриц с теми, кто их ел...»

Услышав два различных, даже диаметрально противоположных, мнения по поводу этой повести, решил сам прочитать и составить свое собственное мнение. Тем более что автор оказался мне знаком. Нет, не лично, но по разным замечательным публикациям в журнале «Приокские зори», которые запали в душу, растревожили сердце, а значит, достигли своей цели.

Щемящие, волнительные рассказы «Бабушка Наташа» и «Крылья ангела» о жестоким окружающем нас мире, бездомных животных и людях, помогающих им выжить; статья-размышление «Вниз по лестнице, ведущей вверх»; или поэмы: «Старый Крым» и сатирическая «Неудачная прогулка Пушкина»; а еще лирико-психологическая повесть «Горизонт за карнизом» и много чего еще интересного...

Поэтому меня заинтересовала книга, оказавшаяся в руках. Посвящена она творчеству А. А. Яшина, вернее сатирическим моментам, которые пронизывают его книги.

Не могу сказать, что сия повесть «От сатирика слышу!..» читается легко. Совсем наоборот. Дело в том, что я попал прямо по Жванецкому про устриц. То есть Н. Квасникова описывает и разбирает ситуации из книг А. Яшина, а ты, читая все это, порой не понимаешь, о чем речь. Нет, в целом догадываешься и основную суть ухватываешь, тем более что все там о нашей жизни и окружающем мире, о взаимоотношениях между людьми и целыми системами. Но, не прочитав первоисточник, не совсем понимаешь, кто такой полковник Хмуров, и какова его роль во всем происходящем? Или почему Николай Данилович сросся со стулом? И что это за Болонский поход такой? И т. д. и т. п.

В какой-то момент ловишь себя на мысли, что это вовсе и не повесть, а скорее трактат или диссертация научного работника.

Все аспекты, охваченные в книге правильные, нужные, требующие неотлагательного решения. Чувствуется, что Алексей Афанасьевич пытается достучаться до умов и сердец чиновников разных уровней, показывая вопросы, на которые надо находить ответы. И выбрал он для этого сатирический путь. Может, хоть таким образом удастся зацепить наших правителей, и ситуация сдвинется с места...

Слабо в это верится, но кто его знает — всякое может быть. Зреет недовольство масс всякими нововведениями наших вышестоящих организаций — вроде ЕГЭ, сокращение уроков литературы... По радио и телевидению пускают лишь шумовой фон, называемый музыкой и низкопробные тупые сериалы, поощряющие насилие, жестокость, кровожадность, вселяющие в детские, неокрепшие души страх и ужас, или юмористические передачи, где отсутствует само понятие юмора, и люди, выступающие в них, не знают, что такое внутренний редактор и не знакомы с правилами приличия.

Происходит зомбирование молодого поколения, как на Западе, как в Америке. Знания не нужны. Не нужны люди думающие — нужны люди исполняющие. Чем меньше человек знает, тем проще им управлять. Вдалбливают в мозги из года в год всякую чушь, начиная от всевозможных религиозных течений и заканчивая утверждением, что какая-то раса лучше и главнее других.

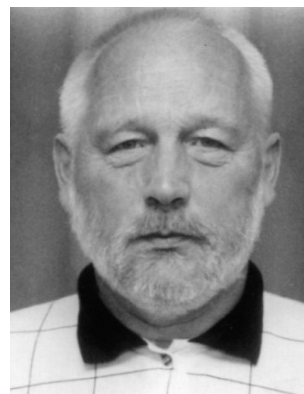
Все прекрасно знают о последней капле, переполнившей чашу терпения, — капнула одна капля, а пролилась сотня этих самых капель.

И все это Н. Квасникова находит в произведениях А. Яшина, показывая, как жилось людям в Советском Союзе, и что они получили взамен, после того, как развалили, наплевав на мнение народа, Великую державу. Как люди были защищены социально в то время и как они никому не нужны сейчас. Ты интересен, если у тебя есть деньги. А это прививается с ранних лет импортной заразой в виде американских мультфильмов про дядюшку Скруджа и ему подобных персонажей.

Выдавливаются понятия: нравственность, любовь, сострадание, честь, взаимовыручка, доброта... А без этого трудно удержать равновесие над пропастью. Но хорошо, что появляются такие размышления, как у Н. Квасниковой по поводу издающихся в наше время книг. Это здорово, что есть не равнодушные люди, пишущие об этом. А мы, прочитавшие повесть(?) Н. Квасниковой «От сатирика слышу!..» загорелись желанием отыскать в ворохе издающейся макулатуры все эти десять книг А. А. Яшина и окунуться в первоисточник. Значит не все еще потеряно!

Алексей Яшин
(г. Тула)

ПОЭТ ИЗ ТОЛЪЯТТИ

Постоянный автор ордена Г. Р. Державина журнала «Приокские зори» поэт Сергей Александрович Лебедев представляет вам, дорогие читатели, четвертый сборник своих произведений, который выходит в серии «Приложение к журналу «Приокские зори». Сергей Александрович Лебедев — член Российского союза профессиональных литераторов, член Российского союза писателей.

Поэтический голос Сергея Лебедева негромок. Негромок от тихой откровенности, от душевности, не кричащей о своей неповторимости и необычности. Поэт раскрывается в создаваемых им поэтических образах. Он передает свои откровенные помыслы, настроение, жизненный опыт через поэтические образы, персонажи прозаических произведений.

Многие произведения Сергея Александровича Лебедева опубликованы в журнале «Приокские зори», с которым поэт поддерживает тесные контакты на протяжении почти пяти лет. Наряду со стихотворениями в журнале впервые вышли в свет и поэмы — «Ветлуга», «Ташкентский пленник», «Отче наш...», главы художественно-публицистической повести «Мой отец — офицер».

Новая поэма Сергея Александровича Лебедева «Воспоминание о деревне» опубликована в представляемой книге. И хотя по замыслу поэта произведение может звучать, как поэма-эпопея, вместе с тем это глубоко лирическое произведение. И оно пронизано эмоциональным настроением автора, который отражает эпоху двадцатого века через свои переживания. Скорее, это лиро-эпическое произведение.

Надо отметить, что поэт довольно успешно пробует свои силы и в прозе, порой органично сочетая труд поэта и прозаика. Особенно это заметно подтвердилось в изданной в 2011 году повести «Перечитывая письма», где в одном потоке воспоминаний о юности слились поэзия и проза автора. Вот и сейчас в свою книгу Сергей Александрович Лебедев включил два рассказа и эссе.

Значительное место в творчестве поэта занимает военная тема. Под впечатлением рассказов и воспоминаний фронтовиков, воинов-афганцев, Сергей Александрович Лебедев написал целый цикл произведений, изданных отдельным сборником в 2014 году. В новую книгу также вошло несколько стихотворений и рассказ военно-патриотической тематики.

Читая поэзию Сергея Александровича Лебедева, ощущаешь, что в основе многих из них лежит любовь к Родине, к матери, к любимой женщине. А такое стихотворение, как «Не продам я душу суете», не просто поэзия — это человеческий документ, в котором автор открыто определяет свою гражданскую позицию. Конечно, и факт поэзии в этом человеческом документе присутствует. О той же любви поэт пишет в своих стихах «Возвращение снов», «Поминальная свеча», «Детство», «Припадаю к Руси», «Зимняя сказка», «Воздух Жигулей», «На Самарской Луке осень...». И хотя

стихотворения вовсе не о любви, но образы любви живут в подтекстах. Особенно это чувствуется в пейзажных поэтических зарисовках, увиденных картин природы. Любовь присутствует и в патриотическом пафосе, который навеян сегодняшним нестабильным днем.

Стихи поэта просты по звучанию, просты и в понимании. Но было бы неверным путать устойчивую простоту поэзии Сергея Александровича Лебедева с упрощенностью. Ведь образы стихов — отражение мироощущения поэта, голос сердца поэта и слова, выражающие его общность с природой. Главное в устойчивой простоте его стихов — то чувство, с которым поэт отстаивает свою позицию и отражает ее в своей поэзии — человеческом документе души.

В книгу поэта Сергея Александровича Лебедева вошли стихотворения разных лет. Но это не избранные стихотворения, и по профилю своему они вполне могли бы быть полезны для юношеской аудитории. Для тех, кто завтра станет взрослым. Но вместе с тем и вдумчивый читатель найдет для себя немало стихотворений, наполненных смыслом жизни — во всем и всегда оставаться человеком. Невозможно ни пересказать, ни цитировать стихи, а нужно их просто прочесть...

К ПРОШЕДШЕЙ ГОДОВЩИНЕ А. П. ЧЕХОВА

Перефразируя некогда широко известную фразу, можно сказать, что Антон Павлович и теперь живет всех живых. Его имя в представительстве русской литературы миру стоит рядом с именами Льва Толстого и Федора Достоевского. Репертуар мирового театра уже и в XXI веке нельзя представить себе без его пьес. Постановка их самыми модернистскими режиссерами привело, по большому счету, к утрате ими неповторимого, только им, пьесам, присущего чеховского духа: ироничного, порой насмешливого, но всегда сочувственного к слабостям человека.

Сегодня на самом высоком уровне оценен не только драматический, но и беллетристический талант писателя. Рассказ с легкой руки Чехова, стал признанной литературной формой. А сам Антон Павлович обозначен его родоначальником.

Лауреатом Нобелевской премии по литературе 2013 стала канадская писательница Alice Ann Munro. В решении Нобелевского комитета она названа «мастером современного короткого рассказа». Член комитета Петер Энглунд сказал: «Монро работает в традициях, восходящих к Чехову». Русский критик Н. Александров: «Ее (А. М.) правильнее было бы сравнить с О. Генри». Литературовед А. Ливергант считает сравнение лауреата с Чеховым «смешным». Американская писательница Синтия Озик назвала Элис Монро «наш Чехов». New York Times поставила канадскую писательницу и русского классика «в ряд писателей, которые заставляют людей сочувствовать другим».

Не буду возражать против схожести творчества Э. Монро и О. Генри. С творчеством первой пока незнаком. О. Генри (1862—1910) и А. Чехов (1860—1904) почти ровесники и современники, разделенные океаном, поэтому не могли оказать влияние друг на друга и потому быть похожими.

Так либо иначе, имена Монро и Чехова поставлены рядом. Кому из них в большей степени это делает честь, думаю, ни у кого не вызывает сомнения.

* * *

Как и почему рассказ — короткое повествование с малым, иногда единственным, числом персонажей завоевал себе место под литературным солнцем?

Ответ, мне кажется, стоит поискать в изобразительном искусстве и, возможно, в музыке. Творческий процесс, по-видимому, подчинен каким-то общим временным и жанровым закономерностям.

Эпоха Возрождения в живописи характеризуется созданием больших, порой монументальных полотен. Герои их — мифологические персонажи, образы Христа и Богородицы, святых и апостолов. Эти произведения предназначены для церквей, дворцов вельмож. Их создатели — великие художники, творческие замыслы которых для воплощения требовали больших масштабов. Так во всей Западной Европе происходило до возникновения эпохи Реформации. Протестантизм, завоевавший, главным образом, север Европы — Нидерланды, Фландрию, германские герцогства, Британские острова, отказался от украшения своих молитвенных домов и кирх изображениями человека вообще, и святых в том числе. Великие и не очень художники этих стран лишились заказов на крупные полотна от протестантских пастырей и проповедников и их прихожан. Возникает класс буржуазии, бюргеров, буржуа. У них нет больших дворцов. Но потребность в изобразительном искусстве есть. Им хочется быть запечатленными в портретах, видеть себя изображенными на картинах своих жилищ. Изображения богов и античных героев, мифических существ сменяется портретами людей, вполне обычных, но значимых для себя и своих близких. Так ли-

бо иначе, в изобразительном искусстве появляются малые формы, картины размером, вполне приемлемым для небольшого собственного дома или особняка. В XVII веке в Голландии, Фландрии на смену титанам живописи Рембрандту, Рубенсу приходят художники, обозначаемые обычно термином — «малые голландцы». Так их называли французы. Малыми не по таланту, отнюдь, а по приверженности к малым по размеру полотнам. Возникла бытовая, жанровая живопись, популярным стал, и до сих пор остается, натюрморт.

В изобразительном искусстве героями становятся простые люди. «Мальчик-рыбак» — Франс Хальс. «Игроки в карты» — Герард Терборх. Иногда изображение сцен, появление которых на картинах предшествующих веков невозможно представить: весьма натуралистичные, несколько не эстетизированные сцены драк в кабаках — Адриан ванн Остаде, Адриан Броувер (фламандец). Такие бытовые сцены, как «Посещение врача», «Больная и врач» Яна Стена, или «Операция на спине» уже упоминавшегося А. Броувера. «Госпожа и служанка» Питера де Хоха, как отображение новых социальных явлений в жизни общества, но без карикатурности (она появится потом, в творчестве Оноре Домье, например), вполне в духе нарождавшегося гуманизма.

Это были провозвестники нового жанра в живописи — жанра малых форм. Он не получил дальнейшего развития даже в самой Голландии и Фландрии. Но он был. В XIX веке и XX интерес к малым формам изобразительного искусства возрождается. Интерьеры частных домов украсили небольшие по размерам картины, которые охотно создавались художниками.

Появились малые художественные формы и в России. Нам хорошо знакомы масштабные полотна Карла Брюллова, Александра Иванова... Но у же в первой половине XIX века появляются и малые формы изобразительного искусства.

Кажется, на первое место зачинателя этого явления надо поставить П. А. Федотова (1814—1852). Небольшие по размерам его картины быстро привлекли внимание публики. Это «Завтрак аристократа», «Сватовство майора», «Анкор, еще анкор», «Игроки», «Разборчивая невеста», «Свежий кавалер». О последнем сюжете В. В. Стасов писал: «...злость, чванство, вконец опошлившаяся жизнь — все это присутствует в этом лице... и фигуре закоренелого чиновника». Резкое суждение. Изображен мелкий чиновник, надменно указывающий своей кухарке на крестик, только что полученную награду, прикрепленный к неряшливо надетому халату. Та не остается в долгу — указывает ему на стоптанные его старые башмаки. Может быть, это единственная из картин художника, носящая столь обличительный характер. В большинстве его картин в большей степени сочувственно и сопереживательно показаны обычные, не вельможи и министры, простые люди, его современники.

Творчество П. Федотова не осталось без внимания последующих поколений русских художников XIX века. В 70-х г.г. возникает Товарищество передвижников. И. Крамской, Г. Мясоедов, В. Перов объединяют вокруг себя большую группу художников, героями произведений которых становятся те самые, простые, люди, что появились на картинах П. Федотова. Достаточно вспомнить такие полотна, как «Земство обедает» Г. Мясоедова, «На бульваре» В. Маковского, «Курсистка» Н. Ярошенко. Знаменитая «Тройка» В. Перова и его же сатира на нравы церковников — «Чаепитие в Мытищах».

В картинах малых голландцев также выведены простые люди, их быт и нравы. Но что-то неуловимо отличает от них русских мастеров малых форм. Картины «голландцев» — как моментальный снимок персонажей и сцен быта, сделанный художниками, отстраненно наблюдающими изображенных на них людей. Мастеровито сделано художниками, до тонкостей освоившими свое ремесло, но теплого чувства, сопереживания изображенное не вызывает. Может быть, только лиризм некоторых картин, например, «Девушка с устрицами» Ян Стена.

В музыке тоже в XIX веке стали появляться музыкальные произведения небольшого формата. До того времени господствовали масштабные музыкальные полотна — оперы, симфонии, оратории. Если не считать «Застольную» Бетховена, песни в классической музыке ведут свое начало от Франца Шуберта. Лишенный поддержки семьи из-за выбора профессии композитора, остро нуждаясь, он взялся за сочинение коротких музыкальных сочинений на слова современных ему поэтов. Так появились чудесные песни Шуберта, исполняющиеся до сих пор. За ним последовал Роберт Шуман. У нас в России прекрасные образцы малых по объему вокальных произведений создал Александр Даргомыжский, А. Алябьев. Достаточно вспомнить их песни на стихи Беранже в переводе В. Курочкина; М. Михайлова: «Нищая», «Старый капитан», «Знатный приятель»... Вскоре появились романсы А. Гурилева, П. Булахова. Охотно писали романсы знаменитые русские композиторы. Первый из них — М. Глинка. Далее — П. И. Чайковский, Н. А. Римский-Корсаков, С. С. Рахманинов и многие другие. Русский романс от песен западных классиков отличают задушевность, глубокое чувство. Исполнение их требует от певца стать как бы самому героем романса, обладать пережитым опытом любви и измены, счастья и несчастья, горя и захватывающей радости. Это тоже рассказ, малый по форме, но насыщенный глубокими и сильными эмоциями.

Конечно же, нельзя не упомянуть расцвет в XIX веке малых инструментальных музыкальных форм — прелюдий, этюдов, фортепьянных циклов Р. Шумана, М. Мусоргского, П. Чайковского.

Они создавались для домашнего музицирования, исполнялись в салонах, пришли на концертную эстраду.

* * *

В русской литературе, а судя по высказываниям в связи присуждением премии Э. Монро, и мировой (может быть, наряду с О. Генри), Чехов был зачинателем новой литературной формы — маленький рассказ. До него (справедливости ради, до них) «настоящей» литературой были роман, новелла, сага. Рассказ считался пустячком и печатался только чаще как фельетон или юмореска в «легких» журналах. В европейской литературе были новеллы Мериме. У нас нечто подобное «Записки охотника» И. С. Тургенева. Еще раньше на рубеже XVI—XVII веков Мигель Сервантес со своими «Назидательными новеллами». Жанр новеллы восходит к эпохе Возрождения.

Наряду с большими литературными формами: романом, сагами, трилогиями, приходит «изобретение» XIX века — короткий рассказ с небольшим числом персонажей. Издательское дело становится прибыльным. Пушкин стал выпускать журнал «Современник». Во второй половине XIX века у нас появляются разнообразные «толстые» и «тонкие» журналы: «Нива», «Осколки» и т.д. Развивается журналистика. Журналисты становятся писателями, например, В. Гиляровский. Это явление продолжается до сих пор.

Появляется возможность сотрудничеством с журналами зарабатывать на «кусочек хлеба». В «тонких» журналах «не развернешься». Приходится искать малые литературные формы. Возникает целая плеяда «малых» писателей, современников Антоши Чехонте, сотрудничавших в этих журналах: И. Потапенко, В. Билибин, Н. Ежов, К. Баранцевич и др., — все они внесли свой, доступный их таланту, вклад в развитие нового жанра.

Сотрудничество Чехова с газетой А. С. Суворина «Новое время» с в журналом Н. А. Лейкина «Осколки» начиналось с малых, малюсеньких рассказов, с весьма причудливыми названиями, давших повод говорить, что он начинал как графоман. (Приободритесь, начинающие авторы, не гнушайтесь сим оскорбительным эпитетом. Ви-

дите, как дело обернулось.). Уже упомянутые современники Чехова и многие другие так и остались «малыми» писателями. Антону Павловичу же было суждено стать признанным новатором в разработке новой формы в литературе, что и привело к признанию жанра рассказа как полноправного участника литературного процесса.

Может показаться, что поиск аналогии между малыми формами живописи и музыки и малой же формы в литературе, рассказом, неуместен или надуман. Однако сопоставление сюжетов и персонажей, избранных авторами для своих творений, и чувства, вызываемые ими, во многом одни и те же. Федотовские «Завтрак аристократа» и «Свежий кавалер» носят сатирический характер. Нечто подобное есть и в чеховских «Хамелеоне» и «Унтере Пришибееве». Правда, в этих произведениях Чехова больше иронии, чем сатиры. Не был он склонен к осуждению своих героев.

Зато в произведениях художников-передвижников, современников Антона Павловича, можно найти целый ряд сюжетных совпадений и общих персонажей.

В. Маковский «Свидание». Мать навещает своего сына, по сути, еще ребенка, отданного в ученики-подмастерья. С жадностью голодный мальчик ест булку, которую принесла ему мать, бедно одетая, по виду деревенская женщина. Не вспоминается ли чеховский Ванька? Тоже мальчик, отданный в ученье сапожнику. Терпит нужду и издевательства... «а она (хозяйка — авт.) взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать». Единственное светлое воспоминание о дедушке и деревне, где ему жилось хорошо и весело.

Тот же автор, картина «На бульваре». Молодуха из деревни приехала повидаться с мужем, который когда-то уехал в город на заработки. На лавочке, на бульваре они сидят, и по всему видно, что муж, парень с гармошкой в руках, совершенно чужим стал для своей жены. Стесняется ее. Весь его вид говорит о его превосходстве на ней. Она уедет к себе в деревню, так и не испытав хотя бы сколько-нибудь теплого чувства от него.

«Егеря» Чехова. В этом рассказе тоже всего два персонажа, как и в картине Маковского. Социальное положение одинаковое. Она — деревенская женщина Пелагея, когда-то, в далекой молодости, выданная замуж за парня, егеря при барине. Она величает его «Егор Власыч». «Хоть бы денек со мной, несчастной, пожили», — говорит равнодушному мужу. «Нешто ты мне пара?», — отвечает муж. «Терпи, сирота». Он, исполненный чувства собственного достоинства, уходит. «Прощайте, Егор Власыч», — шепчет Пелагея, когда белый картузик на голове ее мужа исчезает за поворотом дороги.

И еще один пример. Картина Н. Ярошенко «Курсистка». Последнее произведение Чехова называется «Невеста». Конец XIX века. Суфражистки в Америке, эмпансипе в Европе. Появляются девушки-горожанки, заявляющие о своей независимости от мужчин, не желающие ограничивать себя только чисто женскими обязанностями — быть женой, матерью. Жаждающие образования, профессии, самостоятельности, служения народу. У Н. Г. Чернышевского об этом — большой роман. У Ярошенко — небольшая картина с одинокой фигуркой молодой девушки с книжками под мышкой. У Чехова — небольшой рассказ о Наде, невесте, мечтавшей в прошлом о замужестве. Является Саша, молодой человек, погостить. Упрекает ее в «праздной жизни», «вы ничего не делаете». Зовет ее к другой жизни. И намерения ее меняются. Она мечтает о «жизни новой, широкой, просторной», отказывает жениху, уезжает в Петербург.

Если рассказы Элис Монро «заставляют людей сочувствовать другим», то сравнение ее с Антоном Павловичем Чеховым вполне оправдано. Как, впрочем, и присуждение ей Нобелевской премии.

(Примечание. Первая Нобелевская премия по литературе была присуждена в 1901 г. Чехов умер в 1904 г.)

Рудольф Артамонов, Москва

Ирина Николаева
(г. Москва)

ЧТО НАША ЖИЗНЬ?

А. А. Яшин в своей новой книге «Административный восторг, или картинки с выставки»^{*} обратился к современной жизни российского общества.

Стиль изложения строится на единстве реалистичного, сатирой приправленного, взгляда писателя, и острой боли его сердца: в ходе общественных «перестроек-переделок», обещавших народу, в который уж раз, прекрасную жизнь, забыто то, чем гордились мы в советские времена, твердо убежденные, что социальная защита — самое значимое завоевание человечества. В то же время ново-созданное, что должно наилучшим образом отразиться на жизни народа, как убеждают нас идеологи, политики и разного уровня впереди идущие деятели, не только не улучшает жизнь, но активно ее ухудшает, упраздняя прежние достижения.

Книга объединяет девять новелл. Первая — о жизни поселкового народа, среди которого особо выделился, став главным персонажем, Прокофьич, человек сметливый, смелый в решениях, обладающий бойцовским характером. Когда-то служил Прокофьич во флоте, на крейсере «Киров», с тех времен и сформировался его взгляд на жизнь и окружающее. Обладая жизненной стойкостью и философским мироощущением, решил Прокофьич побороться с внезапно свалившейся на голову ситуацией — увеличением оплаты за газ, «затрачиваемый на содержание домашнего скота. Птицы тож» [с. 24].

Читая новеллу, не знала я, уважаемый читатель, плакать ли, жалея поселковых жителей, смеяться ли над подмеченной автором «находчивостью» местных чиновников, верить ли или не верить в реальность описываемых событий.

Увлекал задиристо-емкий яшинский слог. Остро-подмеченные характеристики, детали, описания действий разбросаны, будто словесные жемчужины, по всей книге. Прочти, читатель, несколько высказываний и реши сам, насколько тебе этот слог привлекателен: «Водовку с самогонкой собственной выделки — чужой не доверял — конечно, мимо рта не проносил...» [с. 11]; «Любовной выделки самогонный аппарат, сверкавший никелем и нержавеющейкой...» [с. 13]; «...власть — существо себе на уме» [с. 14]; «...временно-постоянные трудности в экономике страны...» [с. 16]; «...сверхсчастливая дикторша в полном восторге...» [с. 17].

А еще данное в размышлениях героя новеллы описание многолетней, постоянно меняющейся в стране жизни, что, несомненно, хорошо (меняться — значит, развиваться, не стоять на месте), однако и утомительно, по причине вечного отсутствия надежности и устойчивости положения.

«Поселковый народ перешел на подножный корм, благо в шестидесятые-семидесятые годы вместо дедовских халуп все построили добротные, просторные

^{*} Яшин А. А. Административный восторг, или картинки с выставки: Роман-новеллино. М.: Московский Парнас, 2014. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

дома, литые из дармового шлака...» [с. 10]; «В голодные девяностые годы жители подгороднего поселка вступили подготовленными...» [с. 10]; «На рубеже девяностых и двухтысячных годов, когда все что было в стране, стабилизировалось, а властями был взят курс на всемерное усиление среднего класса...» [с. 14]; «...уже двадцатый год подряд все обещают и обещают спустить со ступеней Северодвинска одну и ту же атомно-ракетную подлодку» [с. 16]; «...народ разбаловался, к порядку возвращать его надо, но разве так быстро и одними запретами?» [с. 19]; «все эти игры с водкой и табаком совсем недавно уже проходили. Понятно для чего: отвлечь народ от реальных трудностей жизни и малопривлекательных перспектив. И средний класс пора пришла поуменьшить» [с. 22].

Здесь бы, при таких наблюдениях, посмеяться бы вволю, порадоваться меткости яшинского слова, да смеяться не хочется, поскольку каждый из нас, которое десятилетие, варится в новосчастливом и архиперспективном бульоне настоящего. К тому же и Прокофьич справиться с бюрократической машиной не смог, и кот его Мичман оказался-таки обложенным налогом «на домашних, несельскохозяйственных животных» [с. 49].

Вторая новелла, как мне увиделось, стала вводной для раскрытия одной из ведущих тем книги, которая тщательно раскрывается в последующих. А. А. Яшин — ученый и преподаватель, доктор наук и профессор, много лет и сил отдавший возвращению в стране научных кадров и развитию отечественной науки. Не мог он обойти молчанием острейшие проблемы, связанные с состоянием отечественной науки и высшего образования.

Нам понятно, почему рядом с флотоводцем Прокофьичем оказался другой герой книги — Игорь Васильевич Скородумов, как мы думаем, явившийся по делу и мысли органичным двойником самого автора. Скородумов развернул свою производственную и научную деятельность в конструкторском оружейном НПО «Меткость». Доктором наук и профессором стал в сорок лет, «в закатные советские годы» [с. 51], когда еще степени и звания легко не давались. Внезапно его деятельность в НПО прекратилась по причине «мести посредственности людям умным и творческим» [с. 52]. Однако Скородумов удержался на плаву, поступил в НИИ экспериментальной и прикладной биофизикохимии, затем перешел на преподавательскую работу в вуз и выполнял все обязанности, которые обычно выполняют доктора наук и профессора.

Раскрывая жизнь, идеи, размышления своего героя-ученого, автор подробно описывает состояние современного высшего образования. В этом описании просматривается, прежде всего, боль профессионала, видящего разрушение хорошо слаженной системы образования, которая готовила в прежние времена высококлассных специалистов, способных выдержать конкуренцию в других странах, даже при том, что дипломы советских вузов в ряде стран не признавались. Дипломы не признавались, а специалисты из нашей страны в мире ценились.

Что же увидел автор в реформировании современной высшей школы? «Во-первых, никому она, кроме косящих от армии студентов, не нужна, — с горечью констатирует А. Яшин, — во-вторых, никому опять же не требуется вузовская наука, впрочем, и любая другая» [с. 59].

Заведующая кафедрой в современном вузе, подмечает автор, вместо того, чтобы все силы направить на развитие профессорско-преподавательского состава и совершенствование вузовского преподавания, выполняет роль «старшей училки» и «завхоза по совместительству». Писатель не выдумывает: не один завкафедрой мог бы с огорчением подтвердить сей факт.

Да и самим профессорам мало времени остается для собственного совершенствования. Обязанность представлять всевозможные справки — о состоянии здоровья

или об отсутствии судимости — добавляет им лишние тревожения. В одном из московских вузов получили недавно преподаватели распоряжение представить справки от разных медицинских специалистов: нарколога, психиатра, гинеколога, дерматолога, венеролога, стоматолога, отоларинголога, эпидемиолога и других. Забота о здоровье своих кадров выросла в огромную проблему для этих кадров. Большинство из указанных специалистов теперь, в пору преобразований медицинского обслуживания, работают платно и в разных медицинских учреждениях, разбросанных по городу или району.

Значительная часть времени уходит у преподавателя на составление бумаг. «Теперь вместо УМКД (не к ночи будь помянут) пишем Рабочие программы и Фонды оценочных средств (ФОС), а еще массу бумаг в новом формате типа Программы вступительных экзаменов, Программа ГИА с компетентностным подходом, Программа научно-исследовательской работы магистранта и прочее, что ранее было, но не требовалось, чтобы обязательно на каждый шаг и в четко определенных словах...» [с. 210]. Не любой читатель быстро сообразит, что такое УМКД, ФОС, ГИА, компетентностный подход, но любой точно поймет: самая важная часть современной работы вузовского преподавателя — это составление всевозможнейших бумаг, которые должны отвечать единым требованиям стиля и форматирования.

Жизнь преподавателей, отмечает далее автор, резко осложняется низким уровнем школьной подготовки студентов и доводит «до тихого помешательства и без того слабоуровневенных училок — профессиональных преподавателей обоего пола» [с. 114]. Если же эти студенты набраны «из бывшей советской Средней Азии», тогда и уровень знания русского языка становится серьезной преградой для взаимопонимания преподавателя и студента.

Разумеется, качество школьной подготовки не для всех вузов является острой проблемой, однако для большинства из них, как и для многих преподавателей, постоянно встают вопросы: Кого мы учим? Чему? Как? И в погоне за компетенциями, которые преподаватели должны сформировать у бакалавров, те, в ответ на бурную деятельность преподавателей, посматривают, посмеиваются да поплевают, мол, старайтесь, бедные, поглядим, что у вас получится.

В описании состояния современного высшего образования просматривается также обида человека, оказавшегося исключенным из системы высшего образования. Так сегодня происходит со многими представителями вузовской школы. Основная тому причина — возрастная. Однако широко известен такой факт: опыт вузовского преподавателя растет с многолетием деятельности, надо лишь этой деятельности найти наиболее подходящее применение: кто-то читает студентам лекции, кто-то ведет огромную работу посредством индивидуального общения, направленного на привлечение студента и аспиранта к науке.

Сколько сегодня многоопытных специалистов высшей школы узнают, что они устарели, не отвечают современным требованиям, не выпускают должного количества печатных работ в положенных журналах и издательствах. Не станем спорить: нужны современные преподаватели, владеющие компьютером, публикующиеся в изданиях международного уровня, участвующие в конференциях разных стран мира, обучающих не только отечественных, но и зарубежных студентов, разбирающиеся в таких понятиях как РИНЦ, Индекс Хирша, scince index, импакт-фактор и др. Однако есть ли в вузах условия для выполнения этих требований? Посылают ли вузы своих преподавателей на конференции в другие страны и обеспечивают ли такие командировки материальной поддержкой? Не являются ли публикации очередным сбором средств для «продвинутых» организаторов? Оплачивается ли ученому работа в диссертационном совете, требующая много сил и времени?

Перипетии, происходящие с вузовским профессором, интересны работникам высшей школы, однако в книге, в которой данная тема широко освещается, попутно, и в то же время весомо, раскрываются проблемы современного российского общества: выживание городского и сельского населения в сложнейших условиях перехода от социализма к обществу рыночной экономики; функционирование городской и районной власти; отношения друг к другу народа и чиновничества; разные пути достижения власти, причины и последствия ее потери; взаимоотношения поколений; отношения мужчины и женщины, которые, прожив вместе долгие годы, по-прежнему дарят друг другу заботу и добрые чувства. Это и в самом деле картинки с выставки жизни российского общества.

Своеобразно сочетаются в книге текст о жизни россиянина начала двадцать первого века и книжные иллюстрации из века девятнадцатого. Это сочетание — удачная находка автора, которая доказывает: сквозь века в жизни нашего Отечества просматривается тесная связь, и время от времени события повторяются, внося коррективы, связанные с новыми обстоятельствами. Смотришь «Картинку с выставки» [с. 170]: приятной наружности фронт — с густой шевелюрой, внушительными усами и обаятельной улыбкой. Авторская подпись к иллюстрации гласит: «Гласный городской думы: «Жить хорошо! А хорошо жить еще лучше!». При такой надписи мы бы сослались на источник мысли о жизни хорошей и еще лучше. Помнится этот краткий диалог Георгия Вицина и Юрия Никулина, покоровший сердца зрителей фильма режиссера Леонида Гайдая «Кавказская пленница или новые приключения Шурика». «Точно!» — подвел итог диалогу друзей Евгений Моргунов.

Другая «Картинка с выставки» [с. 205]: стоит скромняга, сложив на поясе руки, на голове колпак, длиннополый халат прикрывает ноги в штанинах. И читаешь под картинкой текст, составленный А. Яшиным: «Опальный чиновник: воспоминания о будущем — как бы не забыть номер своего швейцарского счета?». Образ прошлого дополняется современным взглядом, в котором автор обнаруживает меткость возникшей ассоциации.

Или: молодой человек и девушка, в костюмах позапрошлого века, сидят друг перед другом в креслах [с. 325]. Он ее в чем-то активно убеждает (думается — в любви). Она опустила очи, чуть склонила голову, слушает. Авторская надпись такова: «Университетская идиллия. Влюбленные аспиранты юридического факультета обсуждают: у кого больше «навар» — у адвокатов или приставов?».

Недаром и предисловие книги написано самим А. П. Чеховым. Его рассказ «Хамелеон» наилучшим образом вводит читателя в яшинский текст. И хотя события, описанные в рассказе и новеллах, совершенно разные, в них есть общее — мимикрия власти: малозначительной и высокозначительной, прошлой и настоящей.

Связь современного яшинского текста просматривается не только с событиями жизни русского общества девятнадцатого века. На обложке книги помещен советский плакат второй половины сороковых годов. Один офицер говорит по телефону, другой нажимает телефонный рычаг, чтобы аппарат отключить. Плакатная надпись гласит: «Не болтай у телефона! Болтун — находка для шпиона».

Можно строить разные предположения об уместности этого плаката рядом с иллюстративным материалом книги и с ее заголовком. Возможно, А. Яшин, по своей привычке говорить и не договаривать, раскрывает тему с позиций, которые сразу непонятны, да, поразмыслив, понимаешь, что этот взгляд автора и есть самый точный. Может, содержание книги и есть то, что раскрывает один офицер и пытается скрыть другой?

Многостраничный эпилог, введенный в «Размышления профессора Скородумова на злобу дня», подводит обширные итоги всему, что сказано в рецензируемой книге, а

также тому, что происходит в нашем Отечестве, что является «движущей силой» современного общества. Здесь едкая и разносторонняя характеристика начальника, и отношение к начальствующей персоне, и способы спасения от начальствующего лица.

Рассмотрев содержание и достоинства книги А. А. Яшина, все же обратимся и к тому, что, на наш взгляд, следовало бы поправить. Мы уже обратили внимание на несхожесть иллюстративного материала: из девятнадцатого века и сороковых годов двадцатого. На наш взгляд, надо бы выдержать иллюстрирование в едином стиле.

Эпилог, столь необходимый и оправданный, занимает почти сто страниц. Четыреста семнадцать размышлений профессора Скородумова всесторонне раскрывают проблему начальствования, характерную для современного российского общества. Многие из этих размышлений-положений запоминающиеся и афористичные. Тем не менее, долгое чтение многословия размышлений становится делом утомительным. Начинаешь пролистывать и проскакивать. Даже сердиться на то, что автор столь ретиво взялся за раскрытие проблемы.

Полагаем также, что автору, при всей глубине освещения происходящего в высшем образовании, необходима некая личная отстраненность от событийного ряда. Отстраниться от того, что является смыслом твоей жизни, невозможно. Но вполне возможно прожить какое-то время, в которое боль случившегося утихнет, что даст возможность спокойней и рассудительней осветить избранное писателем для показа и анализа. Впрочем, одна из особенностей нашего писателя заключается в рассудительности и исследовании проблемы изнутри.

Книга получилась! Она — яркая, сочно-стилевая, остро-сатиричная. В ней заложен ген отечественных сатириков и бытописателей девятнадцатого века — М. Е. Салтыкова, Н. В. Гоголя, А. П. Чехова.

Эта книга заставляет читателя думать и анализировать, призывает к обсуждению негативных явлений нашего общества, к поиску путей искоренения недостатков и дальнейшего общественного развития. Пожелаем же ей вдумчивого и отзывчивого читателя!

